

Саша Ардаша

Бутырка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Саша Ардаша Бутырка

<https://litres.ru/74437764>

SelfPub; 2026

Аннотация

Владимир Ху привык считать, что жизнь уже ничем его не удивит. Но после загадочной смерти он просыпается в теле молодого человека с китайской внешностью в Советском Союзе.

Саша Ардаша

Бутырка

Глава 1

Душа ликовала и пела. Двадцать лет службы. Два десятка прожитых лет и вот, наконец, я добрался до того, о чём столько раз думал. «И чего я достиг?» мелькнула мысль, пока я, совершенно счастливый, вращал во рту ее розовый сок. Ну наконец-то я добился Варьки. Как долго она маячила перед моими глазами! Жена замначальника полиции. Недосыгаемая, всегда рядом и всегда чужая. «Отомщу за всё этому майору», с удовлетворением думал я пыхтя на ней. Самое смешное было в том, что никакой особой мести уже не требовалось. Достаточно было одного осознания: я всё-таки затащил его жену в постель. Когда первые волны торжества улеглись, мне вдруг захотелось сделать ей приятное. Я принялся массировать её пухлое тело, медленно проводя ладонями по спине, и неожиданно поймал себя на мысли, что мне самому от этого хорошо. «Давно у меня не было горячей женщины», подумал я. И тут же поправил себя: «Да и вообще женщины давно не было». Мысль показалась мне даже немного грустной. Но грустить долго не пришлось. Щёлкнул замок. Звук этот оказался громче выстрела. Муж! выдохнула она, таращась на меня. В её голосе было столько ужаса, будто это не муж должен был войти в комнату, а наряд ми-

лиции. Я вскочил с кровати, схватил одежду и, не разбирая дороги, рванул к открытой двери балкона. Вот тут я понял, что любовником я никогда не был. То есть в теории всё казалось просто: пришёл, сделал дело, ушёл. А вот что делать, когда возвращается муж, почему-то никто не объяснил. Следующий момент я помню особенно хорошо. Я висел за балконом в одних трусах. Внизу была улица. Наверху балкон. А между ними я, капитан полиции, двадцать лет службы и вся моя будущая пенсия. «Вот ведь жизнь», подумал я. Руки уже не молодые. Пальцы скользят. Кричать нельзя. И вдруг стало почему-то ужасно себя жалко. «Дожился до пенсии», подумал я. Пальцы, красные от напряжения, медленно разжигались. «И вот стоило оно того?» Ответа, конечно, не было. Пальцы разжались. И я полетел. «Значит, судьба», успел подумать я. До капитана дослужился. Двадцать пять лет отслужил. Жену начальника соблазнил. И бац! Вот и вся карьера. Земля стремительно приближалась. Я приготовился к боли, но боли не было. И вдруг произошло что-то совершенно невозможное. Падение прекратилось. Я начал медленно подниматься. Сначала совсем чуть-чуть. Потом быстрее. Земля стала удаляться. «Я что, мячик?» подумал я. Ни боли. Ни сожаления. Только странное, почти спокойное понимание: моё тело осталось где-то внизу. Я посмотрел туда. Тело действительно лежало на земле. А я поднимался. «Вот и крандец тебе, капитан», подумал я. Ну всё. Значит, умер. Теперь остаётся только дожидаться врат Ада. И тут в голове почему-то

начался какой-то странный подсчёт. «А что я, собственно, заслужил?» Ни дерева не посадил. Сына не родил. Домом не обзавелся. Всю жизнь служба, работа, начальство, рапорты, чужие приказы. И вдруг в голове всплыло одно слово. «Ад». Я даже не понял, откуда оно взялось. Но тут подъём прекратился. Я завис на мгновение. А потом меня снова потянуло вниз. «Это что ещё за качели?» успел подумать я. Земля приближалась. Улица становилась всё отчётливее. Я уже различал крыши домов, деревья, машины. И чем ниже опускался, тем сильнее становилось ощущение, что это ещё не конец. Я летел обратно к земле и впервые за двадцать лет службы совершенно не понимал, что будет дальше. «Это что, дорога в Ад мне закрыта?» подумал я, паря над телом какого-то китайца. Я завис прямо над ним и вдруг понял: если я действительно умер и теперь моя душа летает сама по себе, то, может быть, она вовсе не собирается ни в какой рай или ад. Может, она ищет подходящее тело. От этой мысли мне стало не по себе. «Только не это...» Я посмотрел вниз. Тело было китайца. «Не дай бог, оно выбрало его». Я попытался отлететь в сторону, но ничего не получилось. Меня словно держала невидимая сила. И тут вспышка. Ослепительная, белая, такая яркая, что на мгновение исчезло вообще всё. Я перестал летать. Я перестал быть невесомым. Вместо этого вдруг ощутил тяжесть. Вес тела. Холод. Боль. Запах. Я судорожно вдохнул. И понял, что снова чувствую земное тело. Я лежал. У меня были руки. Ноги. Голова. Сердце бешено колотилось

в груди. «Так...» подумал я. «А теперь самое главное кто я?» Я попытался открыть глаза. Но тело не слушалось меня. Это что за хрень возмущался я пытаюсь покорить себе это тело.

Глава 2

Проблески воспоминаний приходили обрывками. Вывеска. «Универсам». А рядом огромный красный лозунг: «ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!» Я замер. «А это ещё что за хрень?» В голове словно что-то щёлкнуло. Куда я попал? И главное в какое время? Ответ пришёл почти сразу. Визг тормозов. Удар. Что-то с силой врезалось мне в ногу, и я рухнул на асфальт. Перед глазами оказалась зебра пешеходного перехода. А прямо перед лицом зеркальный бампер автомобиля. Я невольно посмотрел в его отражение. И увидел себя. Вернее, того, кто сейчас смотрел на меня. Азиат. Узкие глаза-щелочки. Я несколько секунд просто таращился на него. «Да блядь... Что происходит?» В ноге отозвалась боль. Нога? Я пошевелил ею. Болит, но двигается. Перелом вроде нет. Пошевелил второй. Потом руками. Всё на месте. «Так...» Мозг, несмотря на весь этот дурдом, продолжал работать. «Я попал под машину. Если травма лёгкая, то ещё неизвестно, чем всё закончится. А если здесь ещё и милиция...» Мысль оборвалась. Я долбанул себя лбом о зеркальный бампер. По зеркалу медленно поползла алая струйка крови. Вот теперь стало понятно: лёгкой травмой дело уже не выглядит. Я закрыл глаза и притворился бессознательным. Надо мной слышались голоса. Аня, что делать?

Меня посадят... Женщина всхлипнула. Не кричи. Скажешь, что за рулём был я. Но... Я сказал за рулём был я! Она заплакала. Я лежал неподвижно и слушал. Мой старый профессиональный навык постепенно возвращался. Не двигаться. Не вмешиваться. Сначала понять обстановку. Тени над головой сгущались, вокруг нарастал человеческий гул. Наконец меня подняли и погрузили в машину. Сирена сразу подсказала, что это «скорая». Медики. Значит, пока жив. Но где? И самое главное когда? Этот вопрос не выходил у меня из головы. Больница поразила меня ещё сильнее. Крашенные стены. Допотопные светильники. Запах лекарств. Всё вокруг выглядело так, будто я провалился не просто в другой город, а в другую эпоху. Меня перевязали и оставили одного. Я дождался, пока шаги стихнут, поднялся и подошёл к окну. И увидел улицу. Красные плакаты. Лозунги. Серые здания. И снова: «ВПЕРЁД К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!» Блядь... вырвалось у меня. Теперь сомнений не осталось. «Всё. Я попаданец». Сказать такое самому себе было настолько нелепо, что я даже усмехнулся. Но вариантов объяснения происходящего у меня не было. Оставался один вопрос: что делать? Ответ нашёлся почти сразу. Моя черепно-мозговая травма. Если я действительно оказался в прошлом, то лучшего прикрытия придумать невозможно. Потеря памяти. Провалы в памяти. Дезориентация. Можно списать всё. Я снова лёг и замер. Притворился мумией. И стал ждать. Новости не заставили себя долго ждать. Послышались шаги. Я мгновенно за-

крыл глаза. Дверь открылась. Аня подошла ко мне и схватив за руку залепетала Милый... пожалуйста, очнись. Я узнал голос. Та самая Аня. Та, что сбила меня. Я не виновата... Я не хотела... Я медленно открыл глаза. Она стояла возле кровати, заплаканная, испуганная. Мой мозг прожжённого участкового моментально начал просчитывать варианты. И выдал единственный, который позволял мне получить преимущество. Это ты была за рулём. Аня вскрикнула и закрыла рот руками. Я продолжал смотреть на неё. Теперь я был уверен. Она боялась. А значит, у меня было то, чего я ещё минуту назад не имел. Рычаг. Если это действительно СССР позднего периода, десять тысяч рублей сумма немалая. Я назвал её. Десять тысяч. Аня побледнела. Десять тысяч? прошептала она. Да. Я сказал это совершенно спокойно и закрыл глаза. Совесть? Нет. Совесть сейчас была роскошью. Я попал неизвестно куда, неизвестно в какое время и неизвестно по какой причине. Я должен был выжить. А жалеть людей, которые в моём прежнем мире уже давно умерли, мне почему-то не хотелось. Я оказался в чужом мире. И был готов идти по головам. Я снова открыл глаза. У тебя срок до завтра. Она смотрела на меня, не понимая. Завтра я объявлю о своей невменяемости вследствие полученных травм. Я выдержал паузу. Черепно-мозговая травма. Потеря памяти. Дезориентация. А это уже совсем другая история. Аня молчала. Если хочешь решить вопрос без суда ,завтра принесёшь деньги. Она сглотнула. А если нет? Я усмехнулся. Тогда я расскажу

всё как было. Я сделал вид, что мне тяжело говорить, и снова откинулся на подушку. А теперь все уходите. Аня не двигалась. И будет лучше, если в следующий раз вы придёте с деньгами. Я посмотрел ей прямо в глаза. Иначе под суд пойдёте либо вы, либо ваш муж. Потому что именно вы сидели за рулём и сбили меня. Она задрожала. А за такое, продолжил я тихо, можно и лет пять получить. Я закрыл глаза. «В Сибирь рубить сосны», добавил я уже про себя. И впервые после того, как проснулся в этом чужом мире, почувствовал себя немного увереннее. Я не знал, где оказался. Не знал, какой сейчас год. Не знал, почему получил чужое тело. Но одно я уже понял точно: выживать здесь придётся по своим старым правилам. Следующей посетительницей оказалась женщина. Но уже в форме, капитан милиции. «Интересно, что ей от меня надо?» подумал я. Она внимательно посмотрела на меня, будто пыталась найти в моём лице хоть какую-нибудь подсказку. Здравствуйте, Владимир, произнесла она официальным тоном. Я в ответ только промычал что-то невнятное. Решил пока выждать. А чтобы немного помочь ей с выводами, прошептал: Ничего не помню. Капитан присела на стул, открыла папку и начала читать: Ху Владимир Владимирович. Направление в Калужский следственный отдел милиции. После окончания Новосибирского юридического института... Я едва заметно вздохнул. Ну хоть так. Попал, так сказать, по профилю. Из участкового в следствие. Она ещё что-то говорила, но я уже почти не слушал.

Вопросов не задавал, только смотрел на неё растерянным взглядом человека, который пытается вспомнить собственное имя. Капитан подождала ответа. Не дождалась. Закрыла папку и ушла. Доктор тоже приходил. И тоже ушёл, не получив от меня ни одного вразумительного ответа. Я продолжал играть роль человека, потерявшего память. Причём решил играть её до конца. И чем больше я обдумывал ситуацию, тем больше она мне нравилась. Я оказался в чужом городе. Никто меня здесь не знает. Есть готовое направление на работу. Причём работа практически по моей специальности. И никто не задаёт лишних вопросов, потому что все считают меня человеком после тяжёлой травмы. Идеальные условия для начала новой жизни. Оставалась только одна проблема я понятия не имел, что это за новая жизнь и в каком году она начинается. Но с этим разберёмся. А потом появилась она. Женщина, которая сбила меня на машине. В руках у неё был небольшой свёрток. Я сразу понял, что внутри. Деньги. Она посмотрела на меня с надеждой. Вы нам поможете? Я выдержал паузу. Да, ответил я твёрдо. Пересчитал деньги. Свёрток оказался у меня под матрасом. Конечно, помогу, повторил я уже увереннее и попытался встать. Нога тут же напомнила о себе болью. Я поморщился и снова сел. Но вы должны мне помассировать ногу. Она уставилась на меня. Что? Нога болит. Вы что, издеваетесь? Нет. Я говорил совершенно серьёзно. Без этого никак. Подтянул к себе ушибленную ногу и протянул её в её сторону. Давайте. Она смотрела на меня

так, словно впервые видела человека, который одновременно является потерпевшим и вымогателем. Это вы виноваты, спокойно напомнил я. И одними деньгами не отделаетесь. Она тяжело вздохнула и всё-таки принялась осторожно массировать ушибленную ногу. Я молчал. Наблюдая как ломается ее воля. И выждав подходящий момент притянул ее к себе и подмял под себя. От ужаса она потеряла дар речи. А когда спохватилась я был уже в ней. Все произошло быстро. Потому что , это был первый секс в моей новой реальности . Ну и а реципиента тоже. Но сам факт обладания молодым телом привел меня в эйфорию. Я смотрел на нее и улыбался. Через несколько минут всё закончилось. Она запахла и поднялась. Я проводил её взглядом. И только тогда поймал себя на неожиданной мысли: «Как же давно я не чувствовал молодого женского тела». Мысль была простой, почти случайной. Но почему-то задержалась надолго. Я посмотрел на смущенную женщину, потом на закрывшуюся за ней дверь. Новая жизнь начиналась совсем не так, как я её представлял. Но, похоже, начиналась.

Глава 3

События потекли рекой. Я быстро понял главное: здесь, как и в моей прошлой жизни, важно знать, что говорить и кому это говорить. Через два дня я уже прибыл в районный отдел милиции. Как положено, прошёл в отдел кадров и выложил на стол документы. Кадровик взяла бумаги, пробежалась глазами по первой странице и улыбнулась: Ху Она ещё

раз посмотрела на фамилию. Владимир Владимирович Ху. Потом достала направление. На медосмотр. «Ну вот, началось», подумал я. Моя новая работа. Моя новая жизнь. Вместе с направлением в больницу мне выдали ещё и ордер на заселение в общежитие. Я отправился туда. Мне выдали матрас и повели по крашеным коридорам. Двухместная комната встретила меня суровой советской действительностью. Я бросил матрас на панцирную сетку и с облегчением вздохнул. Вот она, новая жизнь, пробормотал я. И тут же подумал: «И эту я точно не просру, как прошлую». Осваиваться в новой реальности мне пока совершенно не хотелось. Главное работа есть. Жильё есть. И ещё деньги. А вот деньги это уже совсем другое дело. Деньги в моём положении были не просто деньгами. Это был компромат. Я тут же принялся обследовать комнату в поисках тайника. Пол оказался дощатым и практически неприступным. Я уже решил, что придётся искать другой вариант, но тут взгляд упал на подоконник. Вот он, родимый. Советская доска поддалась на удивление легко. Я приподнял её, запихнул внутрь свёрток, предварительно вытащив двести рублей. Сколько это сейчас? Я задумался. «По нынешним временам, наверное, побольше моей зарплаты». Деньги отправились в карман. Подоконник встал на место. Я провёл рукой по крашеной доске. Слава советским строителям, усмехнулся я. И вдруг понял, что страх куда-то ушёл. Вместо него появилось желание жить. Не выживать. Именно жить. «Ну и зачем тянуть?» подумал я. Взял направ-

ление и поехал в больницу. Но советская реальность встретила меня уже на входе. Приём анализов до обеда! услышал я из окошка регистратуры. Вы опоздали! «Вот так. С первого дня и сразу в рожу». Я развернулся и пошёл по коридору. Но вывеску «Заведующая отделением» пропустить не смог. Ноги сами остановились. Рука открыла дверь без стука. Вам чего, молодой человек? услышал я. Голос был приятный. Я посмотрел на женщину. Она могла быть мне ровесницей. Но это там, в прошлой жизни. А здесь передо мной сидела уже не ровесница, а взрослая тётка. И церемониться с ней я не собирался. Мне справка нужна. Срочно, произнёс я с напором. Она взяла мой бегунок. О-о... милиция, протянула она почти напевно. Но вы, молодой человек, опоздали. Приходите завтра. Она улыбнулась. Без злости. Без ухмылки. Просто констатировала факт. Но я не пошевелил ни одним мускулом. Вы обрекаете на незащищённость советских граждан. Она перестала улыбаться. Пока я тут прохлаждаюсь, бандиты не дремлют. А завтра именно вас могут ограбить. Я сделал паузу. А может, и того хуже. Она посмотрела на меня. Убьют. Повисла тишина. Я продолжил уже спокойнее: Вам это надо? Женщина несколько секунд изучала меня, потом посмотрела на документы. Я бывший студент. Только что закончил вуз. И уже прошёл пять медкомиссий. Я говорил уверенно, словно от этой справки действительно зависела безопасность всего города. Она обвела меня одобрительным взглядом. Ну что ж... Это похвально, молодой

человек, произнесла она устало. Встала из-за стола и повела меня по коридору. Через некоторое время все необходимые печати оказались на месте. Я уже собирался уходить, когда она вдруг снова завела меня в кабинет. Закрыла дверь. И неожиданно вздохнула: У меня сосед пьянствует. Ну просто спасу нет. Я молчал. А участковый рыбу не ловит. Она посмотрела на меня. Сможешь приструнить? Я ответил сразу кивнув. Она заглянула мне прямо в глаза. Что именно она там увидела я так и не понял. Но женщина взяла лист бумаги, написала несколько строк и протянула его мне. Адрес и имя Анна. Я спрятал листок в карман. Хорошо, сказал я. И вышел. Уже в коридоре я посмотрел на записку. «Вот тебе и новая жизнь», подумал я. Я ещё даже на работу официально не вышел, а уже получил первое частное поручение. И, судя по всему, совсем не последнее. В отделе кадров мою справку приняли без лишних вопросов. Кадровичка посмотрела на неё, потом на меня и улыбнулась: Какой шустрый! Я промолчал. «Шустрый так шустрый. Лишь бы не догадались, что я вообще не тот, за кого себя выдаю». Мы прошли в кабинет тестирования. Тест на профессиональную пригодность я прошёл без особых проблем. Всё-таки двадцать лет службы не могли исчезнуть вместе с телом. Задания были простые. Я почти не задумываясь отмечал ответы. Кадровичка несколько раз удивлённо посмотрела на результаты, потом выписала мне временное удостоверение и повела в кабинет заместителя начальника следственного отдела. Вот, Вадим Иванович,

новый сотрудник, деловито произнесла она и положила перед ним моё личное дело. Капитан посмотрел на меня усталю. Потом открыл папку. Прочитал первую страницу. Вторую. И вдруг расхохотался. Ну здорово! Ху Володя! Здравствуйте, ответил я. Мы пожали руки. Вадим Иванович встал из-за стола и, всё ещё посмеиваясь, повёл меня в соседний кабинет. Вот, Игорь, сказал он. Просил мужика? Получай. Я выглянул из-за его спины. За столом сидел грузный мужчина с опухшим лицом. Увидев меня, он сначала замер, а потом тоже расхохотался. Это что, азиатская пародия на советского милиционера? выдавил он сквозь смех. Мне неприятно кольнуло самолюбие. Я всё ещё не привык к своему новому лицу. Каждый раз, когда кто-нибудь называл меня азиатом, я словно слышал это впервые. Игорь, ну ты это... давай без инсинуаций, сказал Вадим Иванович. Тон у него был почти шутливый. И сразу стало понятно: между этими двумя существует какая-то история, которая гораздо старше моего появления в отделе. Это твой наставник, пояснил капитан. Игорь Иванович. Будет тебя стажировать, научит работать. Я кивнул. «Наставник...» Игорь мне сразу не понравился. Но я пока промолчал. Вадим Иванович ушёл. Как только дверь закрылась, Игорь некоторое время молча смотрел ему в след. Потом наклонился к своему столу, достал бутылку вина и налил в грязный стакан. Выпил одним глотком в одно лицо. Громко крикнул обдав меня перегаром. Занюхал рукавом. Потом грустно посмотрел на красную жижу, оставшуюся на

дне. А ну-ка, молодой, сгоняй в магазин. Я непонимающе посмотрел на него. И принеси такую же. Он заметил мой взгляд и усмехнулся: Магазин за углом. На стол шлёпнулся рубль. Остальное добавишь. Я посмотрел на монету. Потом на него. Вступать в переговоры с этим человеком мне совершенно не хотелось. Я взял рубль и вышел. Напротив оказался другой кабинет. Из дверного проёма на меня уже смотрели две женщины. Увидев меня, они переглянулись и поманили пальцем. Я подошёл. Здравствуйте, красивые и добрые, ласково произнёс я. Одна из них удивлённо подняла брови. О-о... Да он ещё и галантный! Обе засмеялись. Капитан Людмила Ивановна. лейтенант Ксения Владимировна. Они представились и почти одновременно спросили: Ну что, Чухрай к своему дружку тебя в услужение определил? Я кивнул. Мне как раз было интересно узнать, что здесь происходит. И женщины охотно удовлетворили моё любопытство. Оказалось, Игорь Иванович когда-то был наставником самого Вадима Ивановича. С тех пор они и дружили. Когда-то вместе работали, вместе раскрывали дела, вместе росли по службе. Но в последнее время Игорь запил. Дела забросил. На работу приходил через раз. А если приходил, то чаще думал не о расследованиях, а о том, где достать очередную бутылку. И всё бы ничего, если бы не одно обстоятельство. Вадим Иванович его прикрывал. Все всё понимают, сказала Ольга Ивановна. А он всё равно его выгораживает. И дела на кого падают? добавила Зоя Владимировна. На нас. На вас? переспро-

сил я. А на кого ещё? Они переглянулись. Мы молодые, красивые, работоспособные, с усмешкой сказала Ольга Ивановна. Вот и тащим весь отдел на своих хрупких плечах. А этот герой сидит у себя и пьёт, добавила Зоя. Я невольно улыбнулся. Вот теперь картина начала складываться. Игорь Иванович был не просто пьяницей. Он был человеком, которого начальство продолжало держать на плаву благодаря старой дружбе. А значит, отдел фактически работал вопреки своему руководству. А ты куда собрался? спросила Ольга Ивановна. В магазин. Игорь отправил. Обе засмеялись. Ну всё, началось! Меня усадили за стол. Напоили чаем. Нашли печенье. Я сидел, слушал их разговоры и постепенно узнавал отдел лучше, чем мог бы узнать его за месяц официальной работы. А потом посмотрел на часы. Ладно, мне пора. Иди, Володя, махнула рукой Зоя. А то наставник без вина долго не протянет. Я вышел в коридор. Рубль всё ещё лежал у меня в кармане. «Ну что ж», подумал я. «Первый рабочий день ещё даже не закончился, а я уже знаю, кто здесь пьёт, кто кого прикрывает и кто на самом деле держит отдел». Я усмехнулся. «Похоже, скучно мне здесь не будет».

Глава 4

Магазин действительно оказался за углом. Я уже собирался войти и выполнить поручение своего наставника, как вдруг увидел две «Волги», въезжавшие в ворота райотдела. Предыдущая память тут же подсказала: начальство на таких машинах обычно ездит не поодиночке. «Две сразу?» Я мгнов-

венно развернулся и поспешил обратно. В кабинете Игорь Иванович мирно спал за столом. Его, похоже, приезд начальства совершенно не интересовал. Я подошёл к окну. Во дворе действительно стояли два полковника и о чём-то спокойно разговаривали прямо под моим окном. Этот Игорь мне определенно не нравился. «Интересно» что будет если я ему немножко подгадю. Я шкодливо оглянулся. На столе лежала тарелка с вишнями. Одна вишенка перекочевала мне в руку. Я снова выглянул в окно. Потом взгляд упал на линейку. Мысль пришла сама собой. «А что, если...» Я взял линейку, положил на её конец вишнёвую косточку и прицелился. Сказать, что я меткий стрелок, это всё равно что пальцем в небо тыкать. Но, видно, Бог на земле всё-таки был. Косточка полетела вниз. И каким-то совершенно невероятным образом угодила одному из полковников прямо в шею. Тот дёрнулся и схватился за воротник. Я мгновенно отшатнулся от окна. «Вот это да везет так везет, а что если добавить...» Надел фуражку со стола. Снова осторожно выглянул. Картина во дворе резко изменилась. Полковник что-то кричал, размахивал руками и явно пытался понять, кто и откуда его атаковал. Второй уже показывал куда-то вверх. «Нет, спасибо. В горячей точке я сегодня уже побывал». Я шмыгнул в соседний кабинет. Две женщины, которых я видел раньше, подняли на меня удивлённые глаза. Как дела? спокойно спросил я. Они молчали. Хотел спросить... а магазин где находится? Одна из них несколько секунд смотре-

ла на меня, словно сомневалась, не издеваюсь ли я. За углом, наконец ответила она. И тут из коридора раздался громогласный ор. Мы все одновременно выскочили из кабинета. Дверь соседнего помещения была распахнута. Это что за пьянь?! Вы поглядите на этого офицера! Голос становился всё громче. Да это позор милиции! Ты, Юрьевич, вообще распустил сотрудников! Послышался звон бутылок. Да тут целая батарея! Ты что, Головачев, балаган из государственного учреждения устроил?! Ты знаешь, что за такое бывает?! Что именно бывает, мы так и не услышали. В коридор влетел капитан. И почти сразу принял на себя весь поток начальственного гнева. Я благоразумно отошёл к стене. «А ведь мог бы сейчас стоять рядом с Игорем», подумал я. И тут же решил, что судьба, похоже, всё-таки иногда подсказывает правильное направление. Начальник следственного отдела возвращался в свой кабинет. Он был хмур. На приветствия коллег в коридоре почти не реагировал и, словно хотел как можно быстрее добраться до своей двери. Головачёв страшно хотел курить. Почти час начальник ОВД, полковник Мохов, не выбирая выражений, требовал от него и начальника уголовного розыска майора Лусенко результатов. Лусенко, как всегда, крутился как уж на сковородке. Махал руками, будто мельница крыльями, выгораживал своих оперов, то есть уже инспекторов. Впрочем, называть своих подчинённых инспекторами Лусенко категорически отказывался. Почему нет взаимодействия со следственным отделом?!

напирал Мохов, не обращая внимания на его попытки выкрутиться и свалить вину на кого угодно. Да с кем там взаимодействовать-то?! не выдержал Лусенко. С этим Игорем, что ли? Он вместе со стулом развернулся к Головачёву и ухмыльнулся: Так вы, Илья Юрьевич, расписание повесьте. В какие часы он у вас бывает трезв. А то мои опера как ни зайдут он всё на раскладушке дрыхнет. Лусенко сделал руками какой-то замысловатый жест и тут же сам изобразил храп. Головачёв скрипел зубами. На неочевидных у нас не только Игорь отвечал он. Ещё два следователя есть, а их поручения вы не выполняете! Крыть карту было нечем. Лусенко замолчал. И поручения других следователей, которые работают по раскрытым делам, ваши сотрудники тоже не спешат выполнять! продолжил Головачёв. Одни отписки посылать умеют! Илья Юрьевич, остановил его Мохов, пару раз хлопнув ладонью по столешнице, мы сейчас нераскрытые преступления обсуждаем. Он обвёл обоих взглядом. В общем, так, товарищи. Не знаю, как вы это сделаете, и сразу предупреждаю: отговорки я слушать не желаю. Но к концу года показатели раскрываемости должны взлететь вверх! Мохов повысил голос: Я больше не собираюсь за вас краснеть в управлении! За прошлый год у нас самые низкие показатели в городе! За первое полугодие этого года, будет та же картина! Головачёв и Лусенко поникли. Дальше пошла ненормативная лексика и сравнения с представителями животного мира. Когда Мохов наконец выпустил пар, голос его стал спокойнее.

Илья Юрьевич, Шокиров вам нового сотрудника отправил. Выпускника Новосибирского юридического института. Документы по нему уже в работе. Я дал команду ускорить все проверки. Всего одного? уточнил Головачёв. Одного. Мохов махнул руками. В управлении вчера у Шокирова сидели. Так сильно ругается наш непотопляемый... Просил пятерых, получил только четверых. Он поморщился. Мне, Илья Юрьевич, буквально с боем пришлось вырывать для вас сотрудника у коллег. Так что цените. Спасибо, Андрей Игнатьевич. Ладно, товарищи, все свободны. Мохов поднялся. И повышайте раскрываемость. Совещание закончилось. Когда Головачёв и Лусенко вышли в коридор, майор сразу оживился: Илья Юрьевич, ты чего, обиделся, что ли? Головачёв промолчал. Да ты чего? Отбились и пошли дальше работать. На жизнь надо смотреть проще. Лусенко беззвучно смеялся, совершенно не смущаясь хмурого вида коллеги, и свернул в сторону кабинетов уголовного розыска. Головачёв проводив его взглядом оказался у своего кабинета. Не обращая внимания на секретаря, вскочившего ему навстречу с кипой бумаг на подпись, он вошёл и с силой захлопнул дверь. Секретарь Капитолина Ивановна остановилась у двери. По опыту она знала: начальство сейчас лучше не трогать. Она задумалась. В крайнем случае пять минут. Капитолина Ивановна числилась в учётной группе, но все в отделе давно называли её просто секретарём. Она не обижалась. А за дверью Головачёв наконец закурил. Он ещё не знал, что новый со-

трудник, которого ему с таким трудом выбили в управлении, уже успел за первый рабочий день: получить взятку, отправить наставника за вином, подслушать половину отдела, и запустить в шею полковнику вишнёвую косточку. И это был только первый день. Усевшись в удобное кресло, Головачёв прикурил сигарету, подвинул к себе пепельницу и прикрыл глаза, сбрасывая напряжение после совещания. Через пару минут скрипнула открывающаяся дверь, но он был уже спокоен. Затем совсем рядом зашелестели бумаги секретарь положила очередную стопку на его стол. Замов пускать? тихо спросила она. Головачёв лишь кивнул. В кабинет шумно вошли его заместители, уже успевшие начать спор прямо в коридоре. Головачёв открыл глаза и прикурил новую сигарету. Руслан Тахирович Чурбанов, его первый зам, курировал работу следователей по очевидным преступлениям. Коренастый, смуглый мужчина, приближавшийся к среднему возрасту. Он, как всегда, обогнал Чухрая и первым занял место по правую руку от начальника. Вадим Иванович Чухрай, второй заместитель, отвечал за следователей по неочевидным преступлениям. Того же возраста, как Чурбанов, но, в отличие от него, светлокожий и светловолосый. В этом году Чухрай получил звание майора. Именно это обстоятельство особенно сильно подстегнуло Чурбанова искать пути досрочного получения подполковника. Соревновательный дух в первом зама был развит едва ли не сильнее, чем чувство самосохранения. Чухрай обошёл стол, приставленный к началь-

ственному, и уселся напротив Чурбанова. Вадим Иванович, сразу обратился к нему Головачёв, пока разговор не успел окончательно уйти в дебри отдела. Нам нового следователя дали. Выпускник Новосибирского юридического института. Я решил отдать его вам. А почему Чухраю? тут же вскинулся Чурбанов. У меня тоже некомплект. Знаю, Руслан Тахирович, Головачёв перевёл взгляд на первого зама. Только Мохов поставил задачу повысить раскрываемость. А это как раз компетенция Чухрая. Руслан, ты не наглей, оживился Чухрай. У тебя восемь следователей, а у меня всего трое. Тебе и не нужно больше, огрызнулся Чурбанов. Потому что . Не раскрытчики. У Чухрая дёрнулась щека. Если мы, значит, ни черта не работаем, тогда что вы в суд направляете? Последнюю фразу он произнёс зло. Ты, Руслан, и то, что у тебя есть, в суд вовремя направить не можешь, вмешался Головачёв. У твоих дел сроки постоянно продлеваются. Курбанов хотел что-то ответить, но замялся. Головачёв затянулся и откинулся в кресле. На самом деле Чурбанов где то был прав. Сотрудников действительно не хватало. Но была вводная начальства. И была статистика. В отделе неочевидных преступлений следователей и без того было всего пятеро, если считать самого Чухрая и помощника следователя. Полноценных следователей трое. Игорь тоже входил в их число. Головачёв прекрасно это знал. И, если отбросить всё остальное, Игорь работал вполне нормально. Дежурства не пропускал. В делах завала у него было не больше, чем у остальных. Поручения

выполнял. А в первой половине дня его вполне можно было застать совершенно трезвым вопреки рассказам Лусенко. На раскладушке Игорь действительно оказывался ближе к вечеру. Но исключительно в те дни, когда не дежурил. Просто в последнее время он начал пить. Сначала после работы. Потом . А потом уже стало трудно определить, где для него заканчивалась работа и начиналось пьянство. Головачёв посмотрел на Чухрая. Поэтому новый следователь будет у тебя. Чухрай довольно кивнул. Чурбанов недовольно откинулся на спинку стула. Но спорить дальше не стал. И ещё одно, Вадим Иванович. Да? Постарайся из этого выпускника сделать следователя, а не ещё одну проблему для отдела. Чухрай виновато кивнул. Сделаем. Головачёв ничего не ответил. И с подозрением смотрел на Чухрая. Он ещё не знал, что тот самый выпускник уже успел познакомиться с Игорем, получить от него первое поручение и смог исчезнуть из поля зрения буквально на несколько минут. И уж точно никто в этом кабинете пока не представлял, насколько сложным окажется этот новый сотрудник.

Глава 5

«А ты чего тут стоишь?» кокетливо спросила Ксюша, сдвув упавшую на глаза челку. Воздухом дышу. Она засмеялась. Не повезло тебе, озвучила она мои мысли, скользнув взглядом в сторону двери моего кабинета. Я промолчал. Пообедаем сегодня вместе? предложила она, сменив тему и не дождавшись от меня реакции на свои слова. Можем еще и по-

ужинать, а потом и позавтракать, кивнул я, дописав в ее план еще два пункта. Но Ксюша опять рассмеялась. Сперва пообедаем, строго сказала она, сдерживая смех. Как скажешь, не стал я настаивать на своей редакции но успел взять ее за руку. Дверь кабинета распахнулась, и в коридор, пошатываясь, вышел Игорь. Не обратив на нас внимания, он направился к туалету, где вскоре и скрылся из виду. Уже набрался, прокомментировала увиденное Ксения. Сколько можно пить. Она закатила глаза. Чего не уволят? как бы между прочим поинтересовался я. Ну, понимаешь, начала она объяснять, Игорь хоть и алкаш, но как следователь он нормальный. Потом, им всегда можно закрыть дыру в дежурстве. Дома его никто не ждет, так что он сутками может на работе пропадать. Для этого и держат. Ксения развела руками и почувствовав свою руку в моей смутилась. К тому же он натаскивал Вадима Чухрая, нашего зама. А Вадим из благодарности прикрывает его, заключила она. Понятно, нейтрально произнес я. В общем-то, так я и думал. Начальство прекрасно знает, что Игорь бухает по-черному, но закрывает на это глаза, потому что им удобен такой безотказный мент. Вот только непонятно, зачем молодого сотрудника засунули к этому алкашу. Вижу только два варианта: или им все ровно, или это такой тест на выживание. Впрочем, последнее это уже перебор. Ладно, проблема есть, и я ее решил. Секретничаем? Услышали мы голос. По лестнице взбежал молодой парень, моего возраста, и остановился возле нас. А ты,

верно, новый следователь, о котором все говорят? спросил он меня, задержав взгляд на мне. Володя, протянул я ему руку. Денис, в свою очередь представился. Я тоже юрфак окончил, посчитал он нужным сообщить мне, только заочно. Да тут многие заочно учились, добавила Ксения, присоединившись к разговору. Ага, не стал спорить Денис. Из школы милиции еще следователи есть. А чего это вы тут делаете? вдруг услышали мы и синхронно повернули головы на женский голос. Мы-то ладно, а вот ты чего тут делаешь? усмехнулся Денис. Иди давай печатай, а то Капитолина тебе а-та-та сделает. В конце он басовито заржал. Да ну ее, поморщилась Ира. Имею право на перерыв. У меня уже пальцы болят, жалобно скуksилась девушка, протянув нам ладони на обозрение. И вообще, скоро время обеда, заступилась за коллегу Ксюша. Может, в столовую двинем, пока туда народ не набежал? предложил Денис, кивнув на показавшегося в конце коридора Игоря. И мы вчетвером, не дожидаясь встречи с ним, спустились вниз по лестнице. Столовая находилась на первом этаже, и там действительно пока никого не было. Взяв подносы, мы первыми подошли к раздаче, набрали тарелок с едой и расселись за стоявшим у окна столом. И как у тебя первые впечатления о работе? с необъяснимым восторгом спросила меня Ирочка. Я улыбаясь пожал плечами. А я мечтаю стать следователем! поспешила она поделиться со мной. Остальные, похоже, об этой ее мечте слышали уже неоднократно, поэтому Ксения закатила глаза, а Денис про-

кашлялся в кулак. После училища я работала на заводе, но быстро поняла, что это не мое. А потом я увидела кино «Инспектор уголовного розыска» и поняла: вот оно, мое. Рассказывая, девушка заглядывала прямо мне в глаза в поисках понимания. Но в школу милиции меня не взяли, и я отучилась год на рабфаке, а потом подала документы. И вот я уже окончила первый курс! Правда, здорово? Здорово, пришлось согласиться. Вот только следователь это же не инспектор УГРО, не понял я ее логики. Ну да, пожалала она плечами, но Лусенко сказал, что меня не возьмет, даже если я с ним пересплю. Ксения подавилась, а Денис вновь заржал. Пришлось идти помощником следователя, без печали в голосе закончила свой рассказ Ира. Показательная история. Я подарил девушке полный восхищения взгляд. Денис отчего-то заржал еще громче. А ты тоже мечтал стать следователем? серьезно спросила меня Ира. Да, с детства, так же серьезно ответил я. В этот момент в столовую вошли два зама. Увидев наш столик, они вдруг остановились и на несколько секунд застыли в молчании. Это и есть твой новый сотрудник? с насмешкой спросил Курбанов и расхохотался. Мне стало не по себе. Ксения резко вскочила со своего места. Ваш смех здесь неуместен, товарищ майор! Чурбанов, похоже, только сейчас понял, что перегнул палку. Смех оборвался. Он бросил на меня быстрый взгляд, стараясь больше не привлекать к себе внимания, взял поднос и поспешно скрылся за раздачей. Чухрай еще некоторое время предвзято осматривал на-

шу компанию, затем молча взял поднос и последовал за ним. Пообедав, мы втроем зашли в женский кабинет . Он был точной копией того, где предстояло работать мне: два стола, стеллаж на полстены, металлический сейф. Все поверхности были завалены делами. Только вместо раскладушки у девушек стояло кресло. Пока я, усевшись в кресло, разглядывал обстановку, девушки готовились к чаепитию. Людмила опустила кипяtilьник в чайник. Ксения поставила рядом два стула, достала кружки и выложила печенье с конфетами. Чайник вскипел . Людмила налила всем кипяток через ситечко с заваркой и уселась на свободное место. Ну, рассказывай, обратилась она ко мне в тот момент, когда я, определившись с выбором, взял в руки шоколадную конфету. Что рассказывать? Спросил я наслаждаясь давно забытым вкусом. Как у нас оказался, пояснила она свой вопрос. Представляешь, Люд, Володя с детства мечтал стать следователем! перебила меня Ксюша. Что, прямо-таки с самого детства? потребовала подтверждения Людмила. Ага, с детства, кивнул я и засунул в рот конфету. Пару секунд она молча смотрела на меня, моргая, а затем засмеялась. Распределили? спросила она, отсмеявшись. Я неопределенно пожал плечами. Я не поняла, так ты чего, придурился, что ли? Теперь уже Ксения захлопала глазами. Поставив чашку на стол, я обошел стул и положил руки Людмиле на плечи. Женщины переглянулись. Я и сам не знал, зачем это сделал. Просто вдруг захотелось. Расслабься, негромко сказал я. Людмила снача-

ла напряглась, но уже через несколько секунд под моими руками постепенно расслабилась и закрыла глаза, наслаждаясь массажем. Ксения заерзала на стуле. Я тоже хочу! пропищала она, с нетерпением дожидаясь своей очереди. Закончив с Людмилой, я взялся за плечи Ксюши и принялся разминать ей шею и плечевой пояс. Володя, ты волшебник! выдохнула она, довольно прикрыв глаза. Ты же ведь китаец, а в вашей культуре массаж это блаженство. Не то что наши коновалы! Я усмехнулся. При чем тут китайцы? Не знаю, честно призналась Ксюша. Но звучит убедительно. Я только сейчас по-настоящему осознал свою принадлежность к восточной, точнее азиатской, внешности. За сорок пять лет я привык видеть себя в образе русского богатыря, а теперь должен был воспринимать себя в теле китайского великана ростом чуть выше полтора метра. Это было непривычно. Особенно я терялся, когда кто-нибудь напоминал мне об этом. Вроде бы ничего особенного просто внешность, черты лица, рост. Но для меня все это было новым. Я прожил сорок пять лет одним человеком, а проснулся в теле совершенно другого. И это была реальность, в которую меня окунули без всякой подготовки. Сделать с ней я ничего не мог, оставалось только привыкать. Из кабинета женщин меня выдернул Чухрай. Он появился в дверях, окинул меня быстрым взглядом и коротко бросил: За мной. Я поднялся и последовал за ним. Через минуту мы уже оказались в кабинете полковника Головачева. Чухрай молча сел, а Головачев едва дождался, пока

мы войдем, после чего сразу перешел на крик: Вадим, какого хрена ты поставил этого... Он ткнул пальцем в мою сторону. В пару с Игорем?! Ты же прекрасно знал, что Игорь алкаш! Чему он мог научить стажера? Ты чего, из ума выжил или вообще берега попутал?! Чухрай попытался что-то сказать, но Головачев не дал ему вставить ни слова. Ты знаешь, какая байда началась сейчас в конторе? Там Мохов мечет и требует крови! Ты из-за своего наставника полетишь из следствия, понял? Вадим, ты о чем думал, блядь?! Идиот! Чухрай только поморщился. Завтра поедешь сам. И этого с собой прихвати. Головачев снова ткнул пальцем в меня. И пошли вон! Оба! Мы вышли. Я так и не понял, зачем вообще заходил в кабинет начальника. Судя по всему, разговор предназначался Чухраю, а я оказался при нем за компанию. В свой кабинет возвращаться не хотелось, поэтому я снова заглянул к женщинам. Ну что там? почти хором воскликнули они, явно желая получить первые новости. Я пожал плечами. Завтра вызывают в ОВД. День закончился обыденно.

Глава 6

За один день я устал так, будто трое суток провел без сна. Поэтому просто рухнул на кровать, даже не застеляя ее простыней. А утром, как ни странно, проснулся сам. В обычной жизни я бы, не открывая глаз, сначала пустил газов, перевернулся на другой бок и попытался урвать еще хотя бы полчаса сна. Но вместо этого я вдруг вскочил с кровати, натянул трико и выбежал на улицу. Ноги сами понесли меня

вперед. Я бежал, размахивая руками, и чувствовал, как тело словно знает, что делать, без всяких команд с моей стороны. «Что это? Куда я бегу? И зачем?» проносилось в голове. Но ноги продолжали нести меня вперед. Когда я вбежал в парк и вдруг, совершенно не задумываясь, сделал кувырок через себя, мне стало не по себе. Это что сейчас было? пробормотал я. Я попытался остановиться, но тело будто не собиралось меня слушаться. Ноги продолжали двигаться, дыхание подстроилось под темп, руки работали сами собой. И тут меня остановил чей-то голос: Владимир Владимирович! Мои кеды закрипели по асфальту, и я обернулся. На лавочке сидел мужчина весьма презентабельной наружности, одетый в спортивный костюм. Он улыбался, наблюдая за мной. За какую команду бежите? спросил он. Я впал в ступор. Куда бегу? Зачем бегу? И при чем здесь вообще какая-то команда? К такой реальности я еще не успел привыкнуть. За ЦСКА, неопределенно ответил я первое, что пришло в голову. Мужчина поднялся, подошел ко мне и с улыбкой произнес: Туда все бегут. И мы неспешно побежали по дорожке. Сделав круг, он свернул на тропинку и вскоре скрылся из виду, а я, наоборот, неожиданно ускорился и уже через несколько минут прибежал обратно в общагу. Там меня ждала корочка хлеба и чай без заварки то есть попросту теплая вода. Я молча съел хлеб, выпил эту буроватую, едва окрашенную воду, принял душ и отправился на службу. Там меня уже ждало руководство. Едва я появился в здании, меня

посадили в «Волгу», и машина повезла нас в управление. В управление мы вошли гуськом. Меня сразу отвели в кабинет, а на разборки не пустили. За дверью я слышал крики, брань и отдельные обрывки фраз. Потом все стихло, и только после этого меня пригласили войти. Полковника Мохова я уже знал, как и сидевшего рядом с ним человека. Это был тот самый мужчина, с которым я утром делал пробежку. Увидев меня, он по-дружески улыбнулся, чем сразу привел всех присутствующих в недоумение. Товарищ Чухрай, на каком основании вы определили стажера к своему дружку? ледяным голосом произнес он. Вадим Иванович понурил голову. Головачев рядом с ним тоже заметно сник. Мохов, уловив настроение начальства, тут же подхватил: Да по увольнять бы вас всех! Он повернулся к полковнику. Может, товарищ полковник, выговор влепим? Полковник медленно поднялся из-за стола. Нам с такими товарищами не по пути. В кабинете повисла тишина. Только муха монотонно жужжала где-то под потолком, раздражающе нарушая общее молчание. Мохов, похоже, не сразу понял, что именно сейчас произошло. Он несколько секунд собирался с мыслями, а потом все-таки вынес свой вердикт: Как сказал товарищ полковник Шокиров, нам с такими товарищами не по пути. Поэтому, капитан Чухрай, пусть пока ходит в следователях. Он сделал паузу и перевел взгляд на Левашова. А ты, Левашов, получишь взыскание с занесением в личное дело за разгильдяйство. После этого нас просто выставили из кабинета. До сво-

его отдела мы ехали молча и мрачные. Когда я вошел в кабинет к женщинам, они тут же набросились на меня с расспросами. Ну? Что там? Что случилось? посыпалось со всех сторон. Я рассказал им все в подробностях. Людмила слушала, не перебивая, а потом вдруг заметно приосанилась и внимательно посмотрела на меня. А ты, Володя, откуда знаешь товарища Шокирова? Я даже не задумался. Вместе бегаем по утрам ответил я просто. На несколько секунд в кабинете повисла тишина. Я посмотрел на женщин и только теперь заметил их одинаково ошарашенные лица. Расспрашивать меня, однако, не стали. Люда убежала по своим делам, а Ксюша зашуршала бумагами, всем своим видом показывая, что разговор закончен. Я вернулся к себе, чувствуя некоторую неловкость после произошедшего. В кабинете сидел хмурый Игорь и таращился в окно. Я молча уселся за свой стол, заваленный делами. Через некоторое время в кабинет забежала Ирочка. Игорь, тебя начальник вызывает. Игорь мрачно поднялся и поплелся за ней. Я проводил их взглядом и сразу понял: что-то будет. «Ну и поделом ему», подумал я. Будет знать, как обзывать меня азиатом. Через несколько минут Ира влетела обратно. Игоря уволили! Я лишь кивнул. Не желая сталкиваться с ним после этого, я вышел из кабинета и отправился немного развеяться по городу. На улице было спокойно и тепло. Лето вступило в свои права, и после душного кабинета прогулка показалась мне отличной идеей. Правда, довольно быстро я опомнился и вернулся на службу.

В кабинете уже никого не было. Игорь успел собрать вещи и освободить свой стол. Я принялся работать с делами, которые мне расписали: кражи, грабежи. Сначала без особого интереса, но постепенно втянулся и даже начал получать от этого некоторое удовольствие. Правда, ненадолго. Примерно через час азарт и воспоминания окончательно угасли. Все эти однотипные хищения снова перестали вызывать у меня хоть какой-то интерес, и я отодвинул дела в сторону. В надежде вспомнить прошлое я взялся за Уголовно-процессуальный кодекс. Ведь я здесь в прошлом и это моя работа. Но память реципиента подсказывала мне все новые и новые знания. Нашел статью о подследственности. Вспомнил все составы преступлений, которые расследуют следователи органов внутренних дел. Затем открыл Уголовный кодекс и пробежался по нему. Преступлениям против социалистической собственности была посвящена глава. И это клондайк. Даже не знаю, могут ли они мне пригодиться усомнился я. За их совершение санкции-то нехилые предусмотрены. Ладно решил я может и пригодиться. Хм...а вот глава за мужеловство. За это вроде сейчас по всему миру преследуют. Но статья меня не впечатлила, и я перевел взгляд дальше по списку. Ни фиги себе, тут даже за обвес сажают, произнес я вслух, реально удивившись. Такую реакцию у меня вызвала статья «Обман покупателей». В наше время за подобное предусмотрена административная ответственность, а наказание обычно ограничивается штрафом. Здесь же санкция была серьез-

ной: минимум исправительные работы сроком до одного года, максимум семь лет лишения свободы, да еще и с конфискацией имущества независимо от срока. Грозное время. Дальше я завис над статьями: «Спекуляция», «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество», «Занятие кустарно-ремесленным промыслом или другой индивидуальной трудовой деятельностью». Внимательно прочитал комментарии к ним и прибавил к определению «грозное» еще и «глупое». Мой взгляд еще задержался на двести двадцать шестой статье. Если верить ей, то в СССР существовали притоны разврата, игорные притоны, а также процветало сводничество. Это как раз то что мне нужно подумал я . И как мне отыскать эти славные места? Захлопнув кодекс, я откинулся на спинку стула. Что-то как-то скучно служба начинается. Пойти, что ли, пока к секретарю сходить? Может, удастся достать у нее печатную машинку, попробовать поработать самому? На том и порешил. Надо осваиваться в данном мне пространстве.

Глава 7

Я продолжил охоту за печатной машинкой. Увидев секретаря я улыбнулся, вы, как всегда, очаровательно выглядите, первым делом сообщил я ей. Чего тебе, Володя? строго посмотрела она на меня поверх очков. Пишущая машинка нужна, продолжал улыбаться я. Капитолина молча сняла очки, достала из ящика стола связку ключей и, поднялась. Иди за мной сказала она вставая. Сорвав печать, женщина

открыла дверь в святая святых следственного отдела место, где хранились архив, и... печатные машинки. Я с любопытством осматриваясь, следуя за ней. Стеллажи, на полках коробки с делами, коробки и свертки с вещдоками. И вот она отдельная полка с машинками. Они сломанные сказала она. Заметив, как я заулыбался. Вон ту коробку сними. Она указала рукой на верхнюю полку. Дотянулся до коробки и снял ее. На крышке красовалась надпись: «Юнис». Новая, подчеркнула она. Цени. Ценю, кивнул я и с улыбкой добавил: Вы лучшая! Она едва заметно улыбнулась, но других эмоций не проявила. Придя в кабинет. Решил сразу же опробовать машинку, поставил на свой стол, вставил лист бумаги и набил дело номер один. С чего начать свое первое дело, я так и не решил, поэтому вышел из кабинета на улицу. Город встретил меня теплом и ароматом лета. Проголодавшись, я зашел в кафе и заказал мороженое и молочный коктейль. Когда-то слышал, что сладкое поднимает настроение. Проверим. Съев мороженое, я обратил внимание, что за баром продавцы что-то разливают под прилавком. Допив коктейль, я подошел к стойке, неожиданно появившись прямо перед ними. Тебе чего? зло спросили меня. Изначально у меня не было никакого желания конфликтовать, но то, что я увидел в их глазах, заставило меня передумать. Контрольная закупка, твердо заявил я. Они обомлели. Одна из продавщиц даже присела от неожиданности. Чтобы окончательно добить их, я достал удостоверение и ткнул им прямо в глаза.

Что именно они там прочитали, я не знал. Поэтому, повинувшись какому-то внутреннему наитию, произнес: Мне большой торт и пакет пряников. Почему именно пряники? Понятия не имею. Просто пришло в голову. Получив желаемое, я еще раз внимательно посмотрел на их испуганные лица. Это последнее предупреждение. После чего развернулся и вышел. Никаких криков, возмущений и попыток меня остановить не последовало. Я сделал доброе дело: пресек деятельность алчных продавцов и взял с них небольшую плату за проявленную бдительность. Совесть была чиста. В отделе Люда и Ксюша искренне обрадовались торту. Про пряники я предпочел умолчать. Сам не знал, как объяснить их появление. А меня сегодня временно назначили исполняющей обязанности заместителя начальника, сообщила Люда, сияя от радости. Вместо Чухрая. Поздравляю, искренне сказал я. А твой торт как раз очень кстати! Мы поставили чайник и устроили очередное чаепитие. На запах довольно быстро начали подтягиваться люди из соседних кабинетов. Вскоре вокруг стола собралась небольшая толпа, и скромного чаепития уже явно не получалось. В результате всей компанией мы переместились в столовую. Люда радовалась, девушки ее поздравляли, а заодно поздравляли и меня, хотя с чем именно я так и не понял. Может, Игорь всем уже порядком надоел. А может, Чухрай. Впрочем, какая разница? Девушки явно были довольны тем, что теперь у них образовался настоящий женский коллектив. Они оживленно обсуждали перемены, смеялись и

радовались, совершенно не замечая, что рядом с ними сижу я. Я с интересом наблюдал за происходящим. Женский коллектив это, конечно, хорошо. Только вот я почему-то всегда считал, что для полноценного женского коллектива мужчина рядом совершенно не нужен. Судя по их реакции, девушки придерживались того же мнения. Забавно. Еще вчера я был для них новым следователем, а сегодня уже каким-то образом превратился в мебель. Причем мебель, которая умеет разговаривать, бегать по утрам и приносить торты. Я усмехнулся про себя. Ладно. Пусть радуются. Мне-то что? Тем более что после вчерашнего знакомства я уже понял: с этими женщинами скучно точно не будет. После обеда решил приодеться. Все дороги ведут в ЦУМ. Правда, это был тот самый совдеповский магазин с такими же совдеповскими товарами. Посмотрев на унылые витрины, я быстро понял: искать здесь мне особо нечего. Парень! Эй, парень! Оглох, что ли? Ко мне подскочил молодой мужик в темных очках с наклейками прямо на стеклах. «Мода здесь, что ли, такая?» неприязненно разглядывал я его. От мужика жутко разило туалетной водой. Я демонстративно отошел подальше, но тип намека не понял и поперся следом. Прибарахлиться хочешь? жуя жвачку и гнусава, протянул он. Есть шузы, вочи... Ты вообще кто, ? перебил я его, демонстративно зажав нос. Димон, отвали, вмешался в наш разговор третий участник. Я его оглядел. Вот этот, похоже, и был моим будущим партнером по товарно-денежным отношениям. Молодой парень,

примерно моего возраста. Джинсы-клеш, спортивная футболка с яркой надписью, кроссовки. Длинные волосы собраны в хвост. Взгляд одновременно насмешливый и такой, что спорить с ним желания не возникало. Вонючий Димон спорить тоже не стал. Молча развернулся и растворился в толпе. Константин. Володя. Отойдем? Он не стал дожидаться ответа и повел меня из магазина, на ходу переходя к делу. Какие вещи нужны? Размер, цвет? Я перечислил: Туфли две пары, черного цвета. Еще одну пару из тонкой кожи на лето. Размер сорок, я посмотрел на свое новое тело и замялся. Джинсы американские, прямые, темно-синие и черные. Футболки, в том числе поло. Свитер. Куртки спортивная и кожаная. Кроссовки, спортивный костюм. Константин на несколько секунд задумался, что-то прикидывая в уме. Размеры подберем твердо уверил он меня. Еще бы я был против. Ну тогда погнали. Константин поставил на капот стоявшей в гараже «копейки» две объемные сумки и расстегнул одну из них. Некоторые вещи были еще в фирменных пакетах. Он аккуратно их раскрыл и, что называется, продемонстрировал товар лицом. Вот эти две твоего размера, протянул он мне футболки. По сто отдам. Костюм двести пятьдесят. Пока я рассматривал предложенные вещи, Константин достал пару коробок. В одной оказались кроссовки какого-то незнакомого мне бренда «Теди», в другой знакомые «Адидас». У тебя самый ходовой размер обуви, прокомментировал он. Так что кроссовки тоже есть на выбор. Он говорил, словно бо-

ялся, что я передумаю: Курток пока нет, но через неделю, думаю, что-нибудь появится. Насчет прямых джинсов тоже сразу скажу пока нет твоего размера. Редкий товар, немодный. Их специально заказывать надо. Не знаю, зачем они тебе сдались, ну да ладно хозяин барин. Раз обещал, значит, привезу. Правда, по срокам загадывать не буду. Лады? Лады, не стал возражать я. Могу еще трусы предложить. С этими словами он вытащил из другой сумки целую стопку. Никогда раньше не покупал одежду в гараже. Опыт, прямо скажем, новый. Я покрутил в руках футболки, приложил одну к себе. Что делать дальше, понятия не имел. Он заметил мое замешательство, снял с одной из полок приличного размера зеркало и поставил так, чтобы мне было удобно себя рассмотреть. Сервис, однако. Я покрутился перед зеркалом все еще непривыкший к китайской физиономии и мелкой форме тела. Не нравится, что ли? спросил Константин, не обнаружив на моем лице ожидаемого восторга. Да как тебе сказать... Нормально вроде. Произнес я осознавая что мода изменилась. Да я к другим вещам привык. На самом деле футболки мне совершенно не нравились. Какая-то старомодная хрень. Фирма же всё! искренне не понял он сути моей претензии. Я поэтому тебе туфту и не впариваю. Интерес к одежде у меня, конечно, был. Хотелось наконец подобрать себе что-нибудь приличное, чтобы хоть немного соответствовать этому миру. Но я пока сам не определился, как именно хочу выглядеть здесь. Впрочем, всё снова упиралось в деньги. В кармане у

меня оставалось всего двести рублей, поэтому пришлось отбросить всякие фантазии и покупать только самое необходимое. Остальное решил оставить на потом. Давай завтра ещё зайдём, пообещал я Косте, когда мы закончили с покупками. Договорились, кивнул он. Только ты смотри не пропадай. Не пропаду. Мы попрощались, и я снова отправился на работу. Но едва я подошёл к входу, как заметил бабушку. Она сидела на лавочке возле здания и что-то тихо бормотала себе под нос, перебирая пальцами край старого платка. Я остановился. Бабушка, что случилось? Она резко подняла голову, увидела меня и тут же отшатнулась. Ой, Господи! прошептала она и несколько раз перекрестилась. Я невольно поморщился. Вот опять. Я совсем забыл о своей необычной внешности. В этом мире моё лицо явно выбивалось из привычной для людей картины. Видимо, для бабушки я выглядел как какой-то подозрительный иностранец. Я решил её успокоить. Бабушка, не пугайтесь. Я тоже милиционер. Она замерла. Милиционер? Ага. Самый настоящий. Несколько секунд она внимательно смотрела на меня, словно пыталась разглядеть под моим лицом удостоверение. Потом её взгляд немного оживился. Так ты, милочка, милиционер? Ну а что, не похож? Бабушка снова подозрительно оглядела меня с ног до головы. На милиционера-то похож... неуверенно пробормотала она. Только лицо у тебя какое-то... Она осеклась. Китайское? подсказал я с улыбкой. Я не это хотела сказать! Да ладно, не переживайте. Бабушка ещё немного помялась, а

потом вдруг крепко схватила меня за руку. Вот ты-то мне и нужен! Мне? Тебе, милоч, обязательно нужно мне помочь. А что произошло? Она оглянулась по сторонам, будто боялась, что нас кто-нибудь услышит. Тут такое дело... прошептала она. Какое? Пойдём-ка лучше присядем. Она потянула меня к лавочке. Я сел рядом, а бабушка устроилась напротив и некоторое время молчала, нервно перебирая пальцами. Рассказывайте. История у меня простая, как сама жизнь, наконец вздохнула она. Муж у меня был человеком серьёзным. Профессор. Профессор? Да. Всю жизнь в институте проработал. Умный был человек... Очень умный. После него и квартира осталась. Какая квартира? Трёхкомнатная. Большая. Мы втроем там жили. А потом муж умер... Бабушка тяжело вздохнула и перекрестилась. Царствие ему небесное, тихо добавила она. А дети? Дочка одна. Единственная. Она с вами живёт? Бабушка поджала губы. Живёт... По её тону было件нятно, что ничего хорошего за этим словом не скрывается. И что с ней? Связалась с нехорошими людьми. Насколько нехорошими? Бабушка посмотрела на меня почти испуганно. Очень нехорошими, милоч. Я нахмурился. Что они делают? Дочку мою используют. А теперь ещё и квартиру хотят забрать. Каким образом? Бабушка наклонилась ко мне и заговорила совсем тихо: Хотят меня из квартиры выселить. Вас? Меня. Но квартира ваша? Наша с мужем. А после его смерти я там прописана. Дочка тоже. Тогда на каком основании вас хотят выселить? Бабушка развела рука-

ми. Вот и я о том же! А они говорят, что я старая, одна живу, память у меня плохая... Память у вас плохая? Она тут же возмутилась: Ещё чего! Я всё помню! Я понял. Они хотят меня признать... бабушка запнулась, ну, как это называется... недееспособной, что ли. И что дальше? А дальше, говорят, в больницу меня определяют. Или в дом престарелых. Я несколько секунд молчал. А квартира? Бабушка посмотрела мне прямо в глаза. А квартира им останется. Теперь всё стало понятно. Кто эти люди? Не знаю я их толком. Через дочку пришли. Молодые, прилично одетые, разговаривают вежливо... Только глаза у них нехорошие. Они вам угрожали? Бабушка замолчала. Бабушка? Было дело. Что именно сказали? Она нервно поправила платок. Сказали, чтобы я не мешала дочери жить. И что ещё? Что если сама не пойму, то помогут понять. Я почувствовал, как внутри неприятно холодеет. А дочка что говорит? Бабушка горько усмехнулась. Дочка... Дочка у меня непутёвая. Что скажут ей эти люди, то она и делает. Она опустила глаза. Но ведь это её квартира тоже? Вот именно! вспыхнула бабушка. И я думаю, что они через неё всё и провернули. Ей обещали деньги, наверное. А меня куда-нибудь убрать и всё. Она снова схватила меня за рукав. Милок, помоги мне. А что вы хотите от меня? Ты же милиционер. Да. Значит, можешь разобраться? Я посмотрел на старушку. В её глазах был страх. Но за страхом скрывалось ещё кое-что отчаяние человека, который уже не знает, к кому обращаться. Ладно, сказал я наконец. Давайте

разберёмся. Бабушка впервые за весь разговор улыбнулась. Я так и знала, что ты хороший человек. Только давайте сначала всё по порядку. Ничего не скрывайте. Не буду. И начнём с самого начала. С самого начала? С вашей квартиры. Кто там прописан, кто приходил, что подписывали. Всё рассказывайте. Бабушка кивнула. Расскажу, милочка. Всё расскажу... И, кажется, только теперь она наконец почувствовала, что у неё появился человек, который готов её выслушать.

Глава 8

Я задумался. Вот это уже становилось интересно. На лицо обычные чёрные риэлторы. Правда, я тут же сам себя одёрнул. Какие ещё риэлторы? Это же СССР. До настоящего квартирного рынка здесь ещё далеко. Слова-то такого в привычном мне смысле, скорее всего, никто и не употребляет. Но сама схема... Схема была стара как мир. Квартирный вопрос всегда стоял остро. А оттяпать трёшку у одинокой старушки это практически как конфету у младенца отобрать. Особенно если сама старушка напугана, плохо разбирается в законах, а рядом имеется родная дочь, которую можно использовать как рычаг. Только вот с юридической стороны всё было не так просто. Я мысленно перебрал то, что помнил о советском законодательстве. В СССР большинство таких квартир не являлись частной собственностью граждан в современном понимании. Речь шла о государственном или общественном жилищном фонде и праве пользования жилым помещением. А значит, просто взять и сказать: «Квартира

теперь наша» нельзя. Жилищный кодекс РСФСР 1983 года прямо устанавливал: выселение из государственного или общественного жилья допускается только по основаниям, установленным законом, и производится, как правило, через суд. Это была статья 90. Я даже усмехнулся. Значит, просто выставить бабушку на улицу не получится... Но тогда возникал другой вопрос. Как они собирались проверить дело? Вот тут всё становилось гораздо интереснее. Можно было давить на саму бабушку. Можно было попытаться признать её неспособной самостоятельно распоряжаться своими делами. Можно было заставить подписать какие-нибудь бумаги. А через дочь организовать фиктивный обмен, переселение или другую жилищную комбинацию. Причём законодательство знало и обмен жилыми помещениями. По статье 67 Жилищного кодекса наниматель мог произвести обмен с письменного согласия проживающих совместно с ним членов семьи. А статья 73 отдельно запрещала обмен, если он носил корыстный или фиктивный характер. Вот это уже было похоже на зацепку. Если заставить старуху подписать бумаги, представить дело как добровольный обмен или каким-нибудь другим способом изменить её жилищные права, то квартира могла уйти совершенно посторонним людям. Но выселить её просто потому, что кому-то захотелось получить её жилплощадь, закон не позволял. Я нахмурился. Значит, нужен либо суд, либо поддельные основания, либо добровольная подпись самой бабушки... А если подпись по-

лучена обманом? Тут в дело вступал уже Уголовный кодекс. Статья 147 УК РСФСР мошенничество. Причём формулировка была достаточно подходящей: завладение чужим имуществом или приобретение права на имущество путём обмана либо злоупотребления доверием. Я медленно выдохнул. А вот это уже совсем другое дело. Потому что даже если сама квартира юридически принадлежала государству, право пользования ею имело вполне реальную ценность. А значит, если кто-то обманом пытался получить это право, заставить человека отказаться от него или повернуть фиктивную сделку, это уже могло стать предметом уголовного разбирательства. Правда, с одним нюансом. Статья 93 УК РСФСР касалась мошенничества с государственным или общественным имуществом. А статья 147 мошенничества в отношении имущества граждан. И вот здесь нужно было разобраться, что именно они пытаются похитить. Квартиру? Нет. Квартира государственная. Право пользования квартирой? Вот оно самое интересное. Я посмотрел на бабушку. Старая, испуганная, совершенно не разбирающаяся в юридических тонкостях. Муж умер. Дочь связалась с сомнительными людьми. А теперь кто-то явно решил воспользоваться ситуацией. И если я правильно понял её рассказ, они даже не собирались спорить с государством за квартиру. Они собирались сначала убрать из неё бабушку. А дальше всё остальное должно было произойти само собой. Я медленно покачал головой. Ничего себе... Бабушка настороженно посмотрела на меня.

Что, милочек? Ничего. Думаю. Ты мне поможешь? Я снова посмотрел на неё. Помогу. Правда? Правда. Я поднялся со скамейки. Только теперь вы мне расскажете всё. Кто приходил, что приносил, что заставляли подписывать и самое главное кто именно решил, что вас пора отправлять в дом престарелых. Бабушка крепче сжала край платка. Я знала, что ты не отмахнёшься... А я уже думал совсем о другом. Если эта история действительно была схемой по захвату квартиры, то начинать нужно было не с самой квартиры. Начинать нужно было с людей, которые за ней стояли. И желательно пока они ещё не поняли, что старушка успела найти себе защитника. Я ещё раз прокрутил в голове рассказ Лидии Степановны и понял простую вещь: удалённо эту проблему не решить. Можно было сколько угодно рассуждать о законах, квартирном учёте, прописке и правах нанимателя. Но пока я не увижу этих самых «хороших людей» своими глазами, толку от моих рассуждений будет немного. Нужно было оказаться внутри. Причём буквально. Я посмотрел на старушку, которая сидела рядом и с надеждой ждала моего решения. Лидия Степановна, произнёс я спокойно. Думаю, я придумал, как нам разобраться. Она сразу оживилась. Как, милочек? Мне придётся некоторое время пожить у вас. Бабушка даже рот приоткрыла. Пожить? Да. А зачем? Чтобы понять, кто к вам ходит, чего они хотят и как именно собираются повернуть всю эту историю. Если я буду появляться раз в день на пять минут, они просто ничего не успеют показать. А если буду

рядом постоянно рано или поздно кто-нибудь обязательно ошибётся. Лидия Степановна несколько секунд смотрела на меня, а потом лицо её неожиданно просветлело. Так ты хочешь у меня поселиться? Именно. А как же люди? А людям вы скажете, что сдали мне комнату. Бабушка нахмурилась, обдумывая предложение. А дочка? Ей тоже самое. А если спросит, кто ты? Скажите, что милиционер. Только комнату снимаю в свободное время. Милиционер комнату снимает? Почему нет? Зарплата у милиционера не такая, чтобы дворец покупать. Она тихо рассмеялась. Ох, милоч... А ведь и правда придумал. Вот и договорились. Бабушка вдруг стала серьёзной. А тебе самому это зачем? Я на секунду задумался. Вот тут была ещё одна причина, о которой я пока решил не рассказывать. Общежитие меня совершенно не радовало. После всего, что со мной произошло, таскаться по коридорам, делить комнату с неизвестными людьми и слушать чужой храп совсем не хотелось. А квартира Лидии Степановны находилась практически рядом с работой. Получалось даже удобно. Я решаю её проблему, одновременно решаю свою, да ещё и получаю возможность спокойно разобраться в происходящем. Иногда жизнь сама подбрасывает нужные решения. Мне всё равно где-то жить надо, сказал я наконец. А у вас, насколько я понимаю, три комнаты. Три. Вот одну и буду снимать. Да я с тебя и денег-то брать не буду! Нет, так не пойдёт. Почему? Потому что тогда легенда сразу развалится. Если я квартирант, значит, должен платить за комнату. Ба-

бушка покачала головой. И откуда ты такой взялся? Сам не знаю, усмехнулся я. Она впервые за всё время выглядела совершенно спокойно. Хорошо. Будешь жить у меня. Вот и отлично. Я поднялся со скамейки и протянул ей руку. Ну что, Лидия Степановна? Показывайте новое место жительства. Она засмеялась и взяла меня за руку. Пойдём, квартирант. Только никому не рассказывайте, что я ваш квартирант. Так я же сама только что придумала! Вот и отлично. Значит, легенда уже готова. Мы пошли к дому. Я на ходу махнул рукой в сторону работы, которую теперь придётся на некоторое время оставить. В голове уже складывался план. Поселиться у бабушки. Осмотреть квартиру. Познакомиться с дочерью. Понять, кто эти люди. И главное выяснить, что именно им понадобилось от старой профессорской квартиры. А пока всё выглядело даже забавно. Ещё утром я ломал голову, где мне жить, а теперь судьба сама предложила мне трёхкомнатную квартиру. Правда, вместе с бабушкой, проблемной дочерью и неизвестными людьми, которые очень хотели эту квартиру получить. Но, как говорится, бесплатного жилья не бывает. Особенно в СССР. Мы поднялись на нужный этаж, и Лидия Степановна долго возилась с ключом. Наконец замок щёлкнул, дверь открылась, и я переступил порог. Первое впечатление было странным. Квартира оказалась совсем не похожа на те помещения, которые я успел увидеть здесь раньше. Она была просторной, тихой и какой-то основательной. Не было ощущения тесноты, хотя мебель стояла прак-

тически в каждой комнате. Вот, милоч, проходи, сказала Лидия Степановна, снимая пальто. Это у нас прихожая. Не обращай внимания на беспорядок. Я огляделся. Какой беспорядок? Наоборот, всё выглядело аккуратно. Старый добротный шкаф, зеркало в деревянной раме, вешалка с несколькими пальто. На полу лежала потёртая, но явно дорогая когда-то дорожка. Из прихожей открывался проход в большую комнату. Здесь было ещё просторнее. Высокий потолок, широкое окно, тяжёлые занавески, старый сервант со стеклянными дверцами. Внутри поблёскивала посуда. На стенах висели фотографии молодая Лидия Степановна с мужем, какие-то незнакомые мне люди, фотографии институтских мероприятий. На одной из них профессор стоял возле группы мужчин в костюмах и что-то объяснял, поднимая руку. Это муж, заметила бабушка, проследив за моим взглядом. Профессор? Он самый. Она немного помолчала. Хороший был человек. Я кивнул. А где кабинет? Бабушка сразу оживилась. Пойдём. Тебе он понравится. Она провела меня в конец коридора и открыла дверь. Я заглянул внутрь и остановился. Вот здесь он работал, тихо сказала Лидия Степановна. Это действительно был кабинет. Причём настоящий. У дальней стены стояли высокие книжные шкафы. Их было несколько, и все до отказа забиты книгами. Старые, новые, толстые научные труды, энциклопедии, журналы. Некоторые книги стояли ровными рядами, другие были сложены стопками на полках. Отдельно стоял большой письменный стол из тём-

ного дерева. Добротный, тяжёлый, с несколькими ящиками по бокам. На столешнице почти ничего не осталось только зелёная настольная лампа, чернильница и несколько пожелтевших листов бумаги. За столом стояло широкое кресло. Я подошёл ближе и провёл ладонью по спинке. Здесь он сидел? Каждый день, ответила бабушка. Особенно вечерами. Мог до двух часов ночи книги читать. Понятно. Рядом со стеной стоял большой раскладной диван. А спать я здесь буду? Если хочешь. Диван раскладывается. Я сама проверяла. Отлично. Я подошёл к нему и попробовал продавить сиденье рукой. Диван оказался неожиданно удобным. Вот, сказала Лидия Степановна. Бельё я тебе сейчас принесу. Простынь, одеяло, подушку. Всё чистое. Я оглядел кабинет ещё раз. Большой стол. Кресло. Диван. Шкафы с книгами. Окно. И главное дверь, которую вечером можно закрыть. Я невольно улыбнулся. Лидия Степановна, а вы уверены, что это мне можно? А кому ещё? удивилась она. Мужа уже нет. Я сюда почти не захожу. Она посмотрела на книжные шкафы. Только книги не выбрасывай и не переставляй как попало. Он за каждой знал, где что лежит. Не буду. Я снова посмотрел на стол. Почему-то кабинет мне сразу понравился. В нём чувствовалось присутствие прежнего хозяина. Будто профессор только недавно вышел на минуту, оставив раскрытую книгу и недописанную заметку. Хорошее место, сказал я. Значит, будешь здесь жить? С удовольствием. Бабушка улыбнулась. Тогда считай, что комната твоя. Я сел в профессорское

кресло и оглядел кабинет уже совершенно другим взглядом. Пожалуй, мне даже повезло. Я получал не просто место для ночёвки. У меня появился собственный угол, где можно было спокойно работать, думать и разбираться во всех местных проблемах. А главное никто не заставлял меня спать в общежитии. Я посмотрел на огромные книжные шкафы. А книги можно читать? Лидия Степановна удивлённо посмотрела на меня. Конечно. Для того он их и собирал. Тогда вообще замечательно. Она улыбнулась. Только смотри, милочка, не засиживайся до двух часов ночи. А то ещё в профессора превратишься. Я рассмеялся. Не обещаю. И почему-то именно в этот момент мне впервые показалось, что это место вполне может стать моим домом. Хотя бы на некоторое время.

Глава 9

Казалось, квартирный вопрос был решён. По крайней мере, на первое время. У меня появилась отдельная комната, нормальная кровать, письменный стол, книги и даже возможность спокойно закрыть за собой дверь. После общежития это уже казалось почти роскошью. Ну что, Лидия Степановна, сказал я, поднимаясь из профессорского кресла, тогда я пока схожу за вещами. Конечно, милочка. Иди. Только возвращайся. Куда же я теперь денусь? Бабушка улыбнулась. Вот и я о том же. Я отправился в общежитие. Собрал немногочисленные вещи, которые успели у меня накопиться за это время. Одежда, обувь, кое-какие мелочи всё спокойно уместилось в одну сумку. Перед выходом я вспомнил про свой

тайник. Если уж решил обустраиваться, то совсем без денег оставаться не стоило. Я достал из тайника ещё тысячу рублей и спрятал деньги во внутренний карман. Теперь на первое время хватит. Выйдя из общежития, я поймал себя на странном ощущении. Я больше не возвращался сюда. Во всяком случае, жить точно не собирался. По дороге решил зайти в магазин. После всех разговоров с бабушкой я вдруг понял, что есть хочется просто зверски. В магазине, как и следовало ожидать, выбор был небогатый. Но мне сейчас многого и не требовалось. Взял батон хлеба, палку варёной колбасы и ещё кое-какие мелочи. Положил всё в сетку и отправился дальше. Авоська приятно оттягивал руку. Странно, но именно в этот момент я почувствовал себя почти по-домашнему. Не бизнесменом. Не человеком, который пытается понять, как он оказался в этом мире. Не милиционером, которому уже успели подкинуть чужие проблемы. А просто человеком, который идёт домой с хлебом и колбасой. Через несколько минут я уже стоял перед знакомой дверью профессорской квартиры. Позвонил. Дверь почти сразу открыла Лидия Степановна. А вот и ты! А куда же я денусь? Она посмотрела на сумку, потом на авоську. Это что? Провизия. Ох ты... А я как раз собиралась чай поставить. Значит, очень вовремя. Я вошёл в квартиру и поставил вещи в кабинете. Профессорский кабинет сразу преобразился. У стены появилась моя сумка, на диване лежала одежда, а на столе оказался пакет с хлебом и колбасой. Я оглядел всё это и неожиданно улыбнулся.

Похоже, у меня действительно появился новый дом. Правда, вместе с ним прилагалась одна большая проблема в лице неизвестных людей, желающих отнять квартиру у старушки. Но это уже было делом завтрашнего дня. Сегодня же хотелось просто поесть и выспаться. Перед сном стояло всё-таки подкрепиться. Лидия Степановна поставила передо мной глубокую тарелку дымящегося борща. Давай, милочка. Горяченький ещё. Я взял ложку, попробовал и на несколько секунд даже замер. Спасибо, Лидия Степановна. Ну как? Восхитительно. Да ладно тебе. Нет, правда. Очень вкусно. Борщ оказался наваристым, густым, с хорошим куском мяса. После всего, что со мной произошло, такая простая домашняя еда вдруг показалась настоящим подарком. Я получил жильё. Получил собственный угол. И теперь ещё вкусный ужин. От этой простой мысли меня даже пробрало какое-то умиление. Я отрезал кусок хлеба, положил сверху ломтик колбасы и отправил в рот. И тут меня накрыло. Советская колбаса. Та самая. Я даже прикрыл глаза, наслаждаясь вкусом. Давно забытое ощущение. Никаких изысков, никаких заморских деликатесов просто хлеб, колбаса и горячий борщ. И почему-то именно это показалось мне сейчас невероятно вкусным. Лидия Степановна с умилением наблюдала за мной. Ну что ты смотришь? спросил я, заметив её взгляд. Радуюсь. Чему? Тому, что тебе нравится. Она улыбнулась. Я посмотрел на её тарелку. А вы чего не кушаете? Бабушка тут же всплеснула руками. Да старая я уже стала, милочка. Ем понемножку.

Почему понемножку? А куда мне столько? Здоровье беречь надо, конечно. Но голодной ходить тоже не стоит. Да я не голодная. Я покачал головой. Классная бабушка. И ведь совсем одна. Если эти люди действительно решили воспользоваться её возрастом и забрать квартиру, то оставлять её без защиты нельзя. Защитить её мой долг. Да и после всего, что она для меня сделала за один вечер, я просто не мог поступить иначе. Я доел борщ, потом ещё пару кусков хлеба с колбасой и наконец откинулся на спинку стула. Всё. Теперь я точно сыт. На здоровье, милоч. Спасибо за ужин. Спокойной ночи тебе. И вам спокойной ночи, Лидия Степановна. Я ушёл в кабинет, разложил диван и лёг. Удивительно... Как-то слишком просто я отношусь к своему перемещению в этот мир. Ещё совсем недавно я даже не представлял, где окажусь и что буду делать дальше. А теперь у меня есть работа, деньги, жильё... И почему-то я уже воспринимаю всё это как обычную жизнь. «Привык, что ли?» мелькнула сонная мысль. Я закрыл глаза. Но сон оказался недолгим. Меня разбудили резкие голоса. Ты совсем с ума сошла?! Я мгновенно проснулся. Несколько секунд лежал, пытаюсь понять, где нахожусь. Затем услышал голос Лидии Степановны: Доченька, ты не кричи... А как мне не кричать?! Я быстро оделся и вышел из кабинета. В коридоре стояла молодая женщина. Судя по всему, это и была дочь Лидии Степановны. Она была выше меня почти на голову и явно не собиралась церемониться. Я же тебе говорила, кричала она матери, что собираюсь прописать здесь

своего жениха! Но, доченька... Как ты могла без спроса заселить какого-то квартиранта?! Он милиционер... Мне всё равно, кто он! Она резко повернулась ко мне. И тут осеклась. Я увидел, как её лицо на мгновение изменилось. Она явно не ожидала увидеть китайца. Несколько секунд она просто молча меня разглядывала. Я был ниже её почти на голову и, судя по выражению лица, особого впечатления не производил. Наконец она нахмурилась. А ты кто такой? Я спокойно посмотрел на неё. Квартирант. Какой ещё квартирант?! Тот, которого ваша мама пустила в эту квартиру. Вон отсюда! Я даже бровью не повёл. Простите? Выметайся отсюда, пока я милицию не вызвала! Она явно решила, что перед ней какой-то беспомощный приезжий, которого можно просто перекричать. Я медленно достал из кармана удостоверение и раскрыл его прямо перед её лицом. Милицию? Она замолчала. Я убрал удостоверение обратно и совершенно спокойно произнёс: Милиция уже здесь. Что?.. Вызывали? В коридоре повисла тишина. Лидия Степановна за моей спиной едва заметно улыбнулась. А вот её дочь впервые за весь разговор явно не знала, что сказать.

Глава 10

Меня разбудили, и настроение у меня было соответствующее. Я терпеть не мог, когда меня будили среди ночи, а уж тем более криками. Поэтому разговаривать с дочерью Лидии Степановны в таком тоне и посреди коридора мне совершенно не хотелось. Я посмотрел на старушку. Лидия Степанов-

на, произнёс я уже совсем другим, спокойным голосом. Вы ложитесь спать. А мы с вашей дочерью немного побеседуем о жизни. Бабушка сразу поняла намёк. Хорошо, милоч... Она быстро скрылась в своей комнате, явно не желая вмешиваться. Девушка осталась напротив меня. Теперь она выглядела уже не так уверенно. Она то и дело бросала взгляды на входную дверь. Я это заметил. Похоже, она кого-то ждала. Подмогу? Очень возможно. Только вот подмога почему-то не появлялась. Скорее всего, тот, кто стоял за дверью, прекрасно расслышал моё слово «милиция» и решил, что участвовать в разговоре с сотрудником правоохранительных органов ему совершенно не хочется. Но оставлять сюрприз за своей спиной я тоже не собирался. Я резко развернулся и вышел в подъезд. И почти сразу столкнулся с парнем. Он стоял возле лестницы, явно прислушиваясь к происходящему за дверью. Увидев меня, парень испуганно дёрнулся и оглянулся. Потом уставился на меня. Похоже, китайца он тоже никак не ожидал здесь увидеть. Я, если честно, уже начал привыкать к этой реакции. А вот к своему новому телу ещё нет. До сих пор я относился к своему попаданию сюда слишком легкомысленно. Не изучил тело, в которое угодил. Не знал его прошлого. Не понимал, на что оно способно. И потому, когда моя нога вдруг взлетела вверх, я удивился не меньше самого парня. Удар получился каким-то совершенно естественным. Парень был выше меня примерно на голову и тяжелее килограммов на больше десяти. Но это почему-то

совершенно не имело значения. Его отбросило к стене. Он глухо ударился спиной о стену, сполз вниз и замер, обмякнув совершенно безвольно. Я несколько секунд смотрел на него. Ничего себе... Самое интересное, что я практически не почувствовал отдачи. Похоже, тело мне досталось совсем не такое простое, как я предполагал. Но разбираться с этим было некогда. Я схватил парня за воротник и втащил его в квартиру. Девушка стояла в дверях и смотрела на происходящее, не в силах вымолвить ни слова. Ещё несколько секунд назад за ней стоял этот здоровяк, её уверенность и, судя по всему, главная надежда. А теперь я тащил его по полу, словно мешок. Я быстро снял с него ботинки, чтобы тот не устроил сюрприз, когда очнётся, затем связал ему руки за спиной. Проверил узел. Надёжно. Вот теперь другое дело, пробормотал я. Сюрпризов за спиной я не любил. Особенно ночью. Девушка смотрела на меня с нескрываемым ужасом. Не надо... наконец выдавила она. Я повернулся к ней. Не надо чего? Она отступила на шаг. Я... Но договорить не успела. Пока она не пришла в себя и не начала снова кричать, я взял её за руку и повёл в кабинет. Пойдёмте. Нам действительно есть о чём поговорить. Она сопротивлялась, но после увиденного в подъезде прежней уверенности в ней уже не осталось. В кабинете профессора я усадил её на стул и связал руки. Затем посадил рядом, чтобы она не могла устроить очередной крик на всю квартиру, и заткнул рот кляпом. После этого отошёл на несколько шагов и посмотрел на обоих. Парень всё ещё

лежал у стены. Девушка смотрела на меня широко раскрытыми глазами. А я вдруг подумал, что мой первый вечер в новой квартире пошёл совсем не по тому сценарию, который я себе представлял. Ещё час назад я спокойно ел борщ и радовался новому жилью. Теперь же в бывшем кабинете профессора сидела связанная девушка, в прихожей лежал её сообщник, а я пытался понять, кто именно решил превратить квартирный вопрос в уголовное дело. И, похоже, ночь только начиналась. Не желая пугать Лидию Степановну ещё больше, я втащил парня в кабинет профессора. Мне совершенно не хотелось, чтобы старушка увидела, чем закончилась наша ночная встреча в подъезде. Закрыв дверь, я включил пластинку и прибавил громкость. Музыка должна была заглушить разговор и возможный шум. Заодно можно было не беспокоиться, что соседи начнут прислушиваться к происходящему за стеной. Я посмотрел на девушку. Она сидела на стуле, связанная, и теперь уже совершенно не походила на ту нахальную женщину, которая несколько минут назад требовала выставить меня из квартиры. Я присел перед ней и снял кляп. Она жадно вдохнула воздух. Как тебя зовут? Девушка несколько секунд молчала. Вера... Голос у неё дрожал. Вера, значит. Она кивнула. Я посмотрел ей прямо в глаза. Теперь поговорим спокойно. Каковы твои мотивы? Она растерянно моргнула. Какие мотивы? Я, не удержавшись, тихо напел: «Во поле берёзка стояла...» Вера посмотрела на меня так, словно окончательно убедилась, что связалась с су-

масшедшим. Юмор она явно не оценила. Ладно, вздохнул я. Шутки в сторону. Я наклонился ближе. Что тебе нужно от этой квартиры? Вера отвела взгляд. Это моя квартира тоже. Вот теперь понятно. Она снова посмотрела на меня. Мама не имеет права одна всё решать. Я и не говорил, что имеет. Тогда почему вы здесь? Потому что ваша мать попросила меня помочь ей. Вера сжала губы. Она сама ничего не понимает. Возможно. А теперь объясни мне, что собиралась делать ты. Она молчала. Прописывать жениха? Вера ничего не ответила. Выселить мать? Я не хотела её выселять! А куда она должна была отправиться? На глазах девушки выступили слёзы. Я просто хотела нормально жить... Нормально жить это одно. Выкинуть мать из квартиры совсем другое. Это и моя квартира тоже! выдавила она сквозь слёзы. Я кивнул. Вот с этим мы и определились. Я поднялся и прошёлся по комнате. Квартира действительно связана с вашей семьёй. Но это не означает, что ты можешь просто привести сюда жениха, зарегистрировать его и распоряжаться жильём так, будто оно принадлежит тебе лично. Вера молчала. В СССР всё это устроено не так, как в том мире, который я помню. Здесь государственная квартира это, прежде всего право пользования жилым помещением. И оно регулируется жилищным законодательством. Я посмотрел на неё. Поэтому спорить со мной бесполезно. Я знаю, что говорю. Вера грустно покачала головой. Похоже, она впервые начала понимать, что перед ней не случайный квартирант, которого можно просто запу-

гать. И что теперь? тихо спросила она. Теперь всё просто. Я указал на дверь. Твоя мать остаётся здесь. Я тоже. Надолго? Столько, сколько потребуется, чтобы убедиться, что её никто не собирается обмануть или лишит права жить в собственной квартире. Вера опустила голову. А я? А ты будешь жить здесь на законных основаниях и соблюдать те же правила, что и остальные. А мой жених? Вот его как раз сюда приводить пока не стоит. Она горько усмехнулась. Вы всё решили за меня. Нет, Вера. Я просто не позволю решить всё за твою мать. Она снова замолчала. Я посмотрел на девушку и вдруг почувствовал, что злость постепенно проходит. Она была не столько преступницей, сколько человеком, которого кто-то, возможно, очень умело использовал. Но это ещё предстояло выяснить. Вера, сказал я уже спокойнее. Давай без криков и угроз. Ты расскажешь мне, кто надоумил тебя всем этим заниматься. А я постараюсь сделать так, чтобы твоя мать спокойно прожила здесь столько, сколько ей положено. А после? После будем разбираться по закону. Вера медленно кивнула. Она явно осознала главное: спорить со мной бессмысленно. Потому что этой ночью закон в её понимании вдруг обрёл лицо. И это лицо почему-то оказалось китайским.

Глава 11

Я посмотрел на Веру и вдруг поймал себя на совершенно посторонней мысли. Давно у меня не было женщины. В моей прошлой жизни всё как-то не складывалось. Работа, служба, постоянные заботы. Я был ментом и почти всё время

жил этой работой. Может, даже слишком много в неё вкладывал как в своё единственное утешение. Дослужился всего лишь до капитана, хотя иногда казалось, что службу я отдал ей целиком. Женщин в моей жизни было немного. А законная жена вообще ушла спустя год после свадьбы. И вот теперь всё изменилось. Хотя бы потому, что теперь я... Чёрт. Я действительно китаец. Невысокий, худощавый, с совершенно чужим для меня лицом. Я посмотрел на Веру и неожиданно понял, насколько сильно соскучился по простому человеческому теплу. По женщине рядом. По ощущению, что ты кому-то нужен не потому, что у тебя погоны или служебное удостоверение, а просто как мужчина. Я сделал шаг к ней. Вера настороженно подняла глаза. И тут меня словно окатило холодной водой. Она была связана. Напугана. И я собирался воспользоваться ситуацией? Нет. Так нельзя. Я остановился. Чёрт... тихо пробормотал я. Вера смотрела на меня с тревогой. Я отвернулся и несколько секунд молчал. В голове только что мелькнула совершенно идиотская мысль: раз уж мне теперь приходится жить в этой квартире, почему бы не воспользоваться всеми её «благами». Но человек не мебель и не квартирное имущество. И уж точно не награда за чужую ошибку.

Я снова посмотрел на Веру. Знаешь, что самое неприятное? спросил я. Она молчала. Я сейчас очень зол. На тебя, на твоих дружков, на всю эту историю. И поэтому мне лучше держать себя в руках. Вера едва заметно кивнула. Я развязал

ей руки. Она удивлённо посмотрела на меня, явно не ожидая такого. Вот так будет честнее, сказал я. Теперь можешь спокойно говорить. Я отошёл к столу и сел в профессорское кресло. Странное всё-таки у меня попадание. Ещё недавно я был капитаном полиции, жил своей работой и практически забыл, что такое нормальная жизнь. А теперь оказался в чужом времени, в чужом теле, в профессорской квартире, где среди ночи допрашивал женщину, пытавшуюся выселить собственную мать. И при этом умудрился задуматься о женщинах. Я усмехнулся про себя. Привыкай, капитан, пробормотал я. Жизнь теперь будет совсем другой. Вера впервые за весь вечер посмотрела на меня без прежнего ужаса. Похоже, она тоже поняла: разговаривать мы будем долго. И начинать этот разговор стоило с правды. Но как я успел убедиться мое тело действовало вопреки моему разуму. Поэтому я просто протянул ей руку и она вложила в нее свою ладонь. Почему это она сделала я не задумывался. Я пользовался правом победителя и завоевателя. У меня была сила и власть. А она похоже любила подчиняться. Поэтому безропотно разделась и легла со мной на диван. Не чувствуя отторжения и даже чувствуя ответ на мои ласки, я перестал торопиться. А может это моя новая китайская сущность превозобладала надомной. Я целовал ее шею и губы наслаждаясь процессом. И только когда почувствовал как трепещется ее тело, вошел в ее мокрую шелку. Ее тело откликнулось на внутренние ласки и она замычав издала томный вздох. Об-

няв меня руками и прижав к себе. Осознав что в ее объятиях не крупное тело ее возлюбленного она не отпрянула. И продолжала ласкать меня нежными пальчиками. Дав ей насладиться процессом я развернул ее. Обхватив руками ее бедра и вошел в нее. Она покорно положила голову на подушку и я смог неспеша насладиться процессом. И когда пришло время . Не раздумывая кончил в ее теплую пещерку наполняя ее своими детками . Будь что будет думал я. Мы лежали с Верой на широком профессорском диване, прижавшись друг к другу. После всего произошедшего ночь неожиданно закончилась совсем не так, как начиналась. Я смотрел в темноту и пытался понять, что же на самом деле произошло. Скорее всего, после смерти отца Вера действительно осталась без человека, которого воспринимала как опору. Отец был для неё тем самым сильным плечом, за которым можно было спрятаться от всех жизненных проблем. А потом его не стало. И место рядом с ней постепенно заняли другие люди. Только, судя по всему, оперлась она совсем не на то плечо. Я покосился на Веру. Она лежала рядом, тихо дышала и, кажется, впервые за долгое время чувствовала себя спокойно. Возможно, она увидела во мне то, чего ей так не хватало. Не обязательно силу в буквальном смысле. Скорее уверенность. Решительность. Человека, который не отступает, когда становится трудно. Я не стал её за это осуждать. Люди вообще часто ищут в других то, чего им самим не хватает. Кому-то нужна любовь. Кому-то защита. Кому-то просто

человек, рядом с которым не страшно. Вера, похоже, искала именно это. И, возможно, поэтому так быстро переметнулась на мою сторону. Я усмехнулся. Вот так, значит, капитан... Ещё вчера я был совершенно один, а сегодня рядом со мной лежала женщина, которая, похоже, уже решила, что нашла новую опору. Я не знал, насколько надолго. Не знал, любовь это или благодарность, растерянность или просто желание наконец почувствовать себя защищённой. Но одно я понимал точно. Эта квартира постепенно превращалась для меня не просто в место ночлега. Здесь уже начиналась какая-то новая жизнь. И, судя по всему, скучать мне в ней точно не придётся. Мы уже начинали засыпать, когда лежавшее в комнате тело вдруг издало хриплый звук. Идиллия закончилась мгновенно. Вера резко приподнялась и испуганно посмотрела на меня. Я молча оделся, затем показал ей глазами на дверь. Она поняла. Вера быстро вышла из кабинета, а я подошёл к парню. Он уже приходил в себя. Медленно зашевелился, застонал и попытался поднять голову. Я присел рядом. Как зовут? Он посмотрел на меня мутным взглядом. Егор... Егор, значит. Имя мне почему-то сразу не понравилось. Да и сам парень был глубоко мне неприятен. Не столько из-за того, что полез в драку, сколько из-за его намерений. Он собирался участвовать в истории, целью которой было ухудшить положение престарелой женщины и фактически лишить её нормальной жизни. Я посмотрел ему прямо в глаза. Егорушка... Он вздрогнул от этого ласкового об-

ращения. Я ведь не могу сейчас привлечь тебя за то, что ты только собирался сделать. Пока ты ничего не совершил. Парень молчал. Но не думай, что это означает, будто всё тебе сойдёт с рук. Он настороженно смотрел на меня. Ты мои глаза видел? Егор неуверенно кивнул. Узкие? Он снова кивнул. Так вот, Егорушка, в моём понимании некоторые разговоры заканчиваются не совсем так, как ты привык. Я буду отрезать тебе по пальцу за любую провинность. Я выдержал паузу. Поэтому советую тебе очень хорошо подумать над тем, что будешь делать дальше. Я понял...произнес он поникшим голосом. Нет. Пока не понял. Я наклонился ближе. Завтра... хотя нет, уже сегодня. В восемь вечера ты будешь у подъезда. Зачем? Чтобы я увидел тебя и убедился, что ты всё правильно понял. Он сглотнул. А если не приду? Тогда мне придётся тебя искать. Я улыбнулся без всякой радости. А искать я умею. Всё-таки я милиционер. Егор отвёл взгляд. Вера больше не твоя девушка. Ты к ней не подходишь, не звонишь и даже не пытаешься вмешиваться в её жизнь. Но... Никаких «но». Я перебил его. С этим этапом твоей жизни закончили. Парень молчал. Я поднялся. И запомни ещё одну вещь. Если ты решишь устроить какую-нибудь гадость Лидии Степановне или Вере, я найду способ разобраться с этим уже официально. Я постучал пальцем по удостоверению в кармане. Я мент. А значит, возможностей у меня больше, чем тебе хотелось бы. Егор покорно кивнул. Теперь он уже не выглядел тем самоуверенным парнем, который несколько минут назад

ждал за дверью. Я развязал ему руки. Вставай. Он медленно поднялся. Я открыл дверь квартиры и вывел его в подъезд. Восемь вечера, напомнил я. Егор ещё раз кивнул. Буду. Вот и хорошо. Я закрыл дверь и вернулся в квартиру. Вера всё это время стояла в стороне и смотрела на меня широко раскрытыми глазами. В её взгляде было что-то совершенно новое. Восхищение. Она явно увидела во мне человека, который сумел одним разговором решить проблему, казавшуюся ей огромной и неразрешимой. Я посмотрел на неё и усмехнулся. Что? Вера ничего не ответила. Просто подошла ближе и поцеловала меня. Я обнял её. Похоже, сегодняшний день действительно собирался изменить мою жизнь самым неожиданным образом. Мы вернулись в кабинет, легли на диван и вскоре снова уснули. А я уже засыпая подумал, что иногда самые сложные проблемы действительно решаются разговором. Особенно если собеседник понимает, что перед ним человек, с которым лучше не спорить. Проснулся я от стояка и осознания что рядом лежит женщина. Видно я пробудил в себе потребность в сексе. И поэтому решил воспользоваться всеми прелестями лежащего рядом тела. Даже не разбудив ее я вошел в нее прижавшись с боку к ней сзади. Она сладко потянулась и приобняла меня свободной рукой и притянула к себе. Желая тоже активно поучаствовать в этом процессе. И мы порезвились. И поэтому Лидия Степановна была крайне удивлена увидев свою дочь. Выходящей из кабинета в ночнушке. А увидев меня она улыбнулась. У нее

исчезло две проблемы. Ее непутевая дочь попала в хорошие руки и ни кто не покушался на ее жилплощадь. Поздоровавшись с нею я прошел следом за Верой в душ. Приведя себя в порядок мы дружно семьей сели завтракать. После чего я поехал на работу.

Глава 12

Придя в свой кабинет, я снова уселся за машинку. Хотелось спокойно заняться работой и хотя бы на несколько часов забыть обо всём остальном. Но вошла Людмила. Доброе утро, произнёс я по-дружески. В ответ получил такой укоризненный взгляд Люды, что сразу понял утро у меня будет совсем не добрым. Она стояла у моего стола, скрестив руки на груди, и смотрела на меня с видом человека, который уже приготовил выговор. Я вообще-то заместитель начальника отдела, холодно произнесла она. И с этого момента ты стажировешься у меня. Хорошо, кивнул я. И от того, как ты себя покажешь, зависит, будешь ли ты вообще работать в нашем отделе. Я снова покорно кивнул. Понял. Вот и прекрасно. Я посмотрел на неё, потом на машинку и решил немного разрядить обстановку: Ты начальник я дурак. Я начальник ты такой же. На несколько секунд в кабинете повисла тишина. Люда медленно повернула голову. Что? Я невинно пожал плечами. Поговорка. Какая ещё поговорка?! По её лицу было видно, что до скандала оставалось буквально несколько секунд. Именно в этот момент дверь распахнулась, и в кабинет влетела Ирочка. Людмила Сергеевна! Вла-

димира Владимировича вызывают в ОВД! Я замер. Люда тоже поморщилась, словно сообщение было адресовано лично ей. Куда вызывают? спросила она. В ОВД. Это я уже поняла. Зачем? Ирочка виновато развела руками. Не знаю. Сказали только, чтобы он приехал. Я посмотрел на Люду. Разрешите идти? Она несколько секунд молчала, потом нехотя кивнула. Иди. Я поднялся, накинул пиджак и вышел из кабинета. До ОВД я добрался автобусом. Никаких торжественных встреч, оркестра и красной дорожки не было. Да я, честно говоря, на это и не рассчитывал. У входа меня уже ждал дежурный. Владимир Владимирович? Он самый. Вас ждут. Полковник Шокиров. Понял. Дежурный кивнул и проводил меня до кабинета. Я постучал. Войдите! Зашёл. Шокиров сидел за столом и что-то просматривал. Увидев меня, сразу поднял голову и неожиданно широко улыбнулся. Здорово! Молодец! Здравия желаю, товарищ полковник, бодро ответил я. Он посмотрел на часы. Ты где был? Я опешил. *Где был?* В голове мгновенно всплыло утро. *Миловался с Верой. Вот где был.* Но озвучивать эту версию я, конечно, не собирался. Вы про утреннюю разминку? Шокиров ухмыльнулся. Ну конечно. Я тебя ждал. А тебя нет. Он покачал головой. Я уже подумал, не случилось ли чего. Всё нормально, товарищ полковник. Это хорошо. Он откинулся в кресле и внимательно посмотрел на меня. А ты, случаем, в курсе, что именно я вытащил тебя из Новосибирска в Подмоскowie? Я улыбнулся. *А кто вас просил это делать?* Очень хотелось задать этот вопрос

вслух. Но я прекрасно понимал: если человек сам напоминает тебе об оказанной услуге, значит, рано или поздно он выставит счёт. Поэтому я выбрал самый безопасный вариант: Спасибо вам. Шокиров медленно поднялся из-за стола. Спасибо мало. Он сделал паузу и посмотрел мне прямо в глаза. Мне от тебя нужна отдача. Я ничего не ответил. Ты мой человек, произнёс он уже совсем другим тоном. Ты понял? Последние слова он специально выделил. И тут до меня дошло. Вот оно что. Не просто перевод. Не просто помощь. Не случайное совпадение. Меня действительно куда-то определили. Причём, судя по всему, без моего участия. *Значит, я уже чей-то человек.* Я внутренне усмехнулся. Получается, я стал частью чьей-то игры, даже не зная правил. Пешкой. Причём пешкой, которую уже передвинули на доске. Я посмотрел на Шокирова и спокойно кивнул. Понял, товарищ полковник. Он удовлетворённо усмехнулся. А я подумал: *Ну и ладно. В этой жизни все мы чьи-нибудь пешки. Главное вовремя понять, кто играет, где находится доска и кто сидит напротив.* И почему-то мне казалось, что партия только начинается. А в это время Люда вбежала в кабинет Головачева с возмущением. Этот стажер выехал в ОВД по вызову руководства. Он поднял медленно свой взор и выпалил ей. Людмила, вчера вы были простым следователем и я вас не трогал. А знаете почему?. Она удивленно вскинув брови. Потому что вас трогали другие закричал начальник. А теперь вы мой зам и я буду вас трогать. А в жопу руководства не

заглядывать это приказ вам понятно ! Люда виновато улыбнулась и вышла. Она поняла, что место зама накладывало на нее не только обязанности но и ответственность. Но она была согласна на эти муки. Они ее манили . И она связывала все эти перемены с появлением стажера. Ах какие у него нежные ручки подумала она вспомнив о массаже. И мысль о стажере не покидало ее весь день . Выйдя от Шокирова, я не стал ехать на работу. Как полагалось, рас я был у руководства то отработал свой день, хотя мыслями уже давно находился совсем в другом месте. Если честно, в душе я уже был на пенсии. Всё, что происходило в этом отделе, больше не вызывало у меня ни особого интереса, ни желания что-то кому-то доказывать. Я прекрасно понимал: ждать от этой работы мне осталось немного разве что спокойно доработать до пенсии. «Ну и зачем мне всё это?» мелькнула мысль, когда я проходил мимо здания. Раньше я бы переживал из-за выговора, начальства, каких-то служебных интриг. А теперь смотрел на всё это совершенно иначе. Будь что будет. Терять мне здесь, по большому счёту, уже было нечего. Но в глубине души я прекрасно понимал: это Советский Союз, и работать здесь всё равно придётся. Какими бы ни были мои планы, просто взять и бросить всё я не мог. А раз так, рассудил я, то лучше уж работать в тёплом кабинете, получать зарплату и иметь при себе красную корочку. В жизни всякое бывает, а такая корочка иногда открывает куда больше дверей, чем деньги. Закончив свои дела, я отправился в квартиру Лидии

Степановны. Забрал её дочь, после чего мы направились к Косте. Фарцовщик встретил меня на удивление радостно. О, а вот и ты! широко улыбнулся он. Заходи, заходи! Давно тебя не видел. Вот решил заглянуть, ответил я. Костя провёл нас в гараж. Там было прохладно, пахло бензином, резиной и старым машинным маслом. Мы занялись обновлением гардероба. Я помог своей новой пассии подобрать одежду, а заодно и сам немного приоделся. Когда мы наконец предстали друг перед другом во всём новом великолепии, Костя только присвистнул. Ну ты даёшь! протянул он, оглядывая меня с ног до головы. А чем двигаешься? В голосе его появились знакомые заговорщические нотки. Я медленно повернулся к нему. В каком смысле? Ну... Костя понизил голос и многозначительно потер пальцами. Откуда такие возможности? Я несколько секунд молча смотрел на него. Костя, наконец произнёс я спокойно, с какой целью интересуетесь? Он даже растерялся. Да я просто спросил... Просто спросил? Ну да. Я шагнул к нему и прижал спиной к стене. А я, между прочим, собирался вести с вами нормальные товарно-денежные отношения, произнёс я, глядя ему прямо в глаза. Но теперь вижу, что вы недостойны такого доверия. Чего?.. только и успел выдавить Костя. Я сунул руку во внутренний карман пиджака и медленно достал красную корочку. У Кости лицо мгновенно изменилось. Это ещё что? Я раскрыл удостоверение и предъявил ему. Всё, Костя. Торгово-денежные отношения отменяются. Да я ничего... Руки на капот. Зачем? Руки, го-

ворю, на капот! Костя послушно развернулся. Ноги на ширине плеч. Может, договоримся? Поздно. Я убрал корочку обратно в карман и строго произнёс: Всё изъято. Все задержаны. Заводите понятых. Костя медленно повернул голову. Так нас что... реально арестовывают? Я выдержал паузу. А ты как думал? Красную корочку для красоты носят? Дав Косте как следует осознать всю величину моей власти, я слегка пнул его под зад. Весь товар изъят, холодно произнёс я. Заберу позже. Костя окончательно поник. Видимо, до него наконец дошло, что он сделал что-то не так. Я подошёл, хлопнул его ладонью по щеке и почти дружески сказал: Работай пока. Он осторожно поднял на меня глаза. Но знай, продолжил я уже совсем другим тоном, теперь ты работаешь только потому, что я это позволяю. Понял? Костя быстро кивнул. Я спросил: понял? Понял. Я схватил его за ворот рубахи и подтянул к себе. Ты, Костя, не лес будешь рубить, произнёс я сурово. Ты в тундре железную дорогу класть будешь. И через год эта дорога пройдёт по твоим костям. Он побледнел. Я отпустил ворот и поправил ему рубаху. Поэтому будь всегда у меня под рукой. Понадобишься я тебя найду. А если решишь исчезнуть или начать играть в самостоятельность... Я сделал небольшую паузу. Тогда разговор будет уже совсем другим. Костя снова кивнул. Вот и хорошо. А теперь приводи себя в порядок. А то вид у тебя такой, будто ты уже эту самую железную дорогу начал строить. Вера всё это время с нескрываемым удивлением наблюдала за нашим разговором. Похоже,

она никак не могла решить, шучу я или действительно собираюсь отправить Костю куда-нибудь в тундру прокладывать железную дорогу. Когда я наконец закончил воспитательную беседу, Вера без лишних слов подошла к прилавку и начала складывать в свою авоську ещё несколько вещей. Я посмотрел на неё. Это что? Ну... раз уж положение позволяет, невозмутимо ответила она. Я усмехнулся. Пользуйся. Спасибо. И она, уже совершенно спокойно, добавила в авоську ещё пару понравившихся ей вещей. Что ж, пусть пользуется положением. У каждого свои преимущества от знакомства со мной. Мы вышли из гаража. Пешком идти мне совершенно не хотелось, поэтому я огляделся и заметил соседний гараж. Пойдём. Я распахнул ворота. Просто спросим. Внутри стояла новенькая «шестёрка». Рядом возился её хозяин. Мужик, спокойно спросил я, бензин есть? Есть! бодро ответил он и тут же вышел из гаража. А потом увидел меня. Его лицо мгновенно изменилось. Кажется, до него дошло, какую роковую фразу он только что произнёс. Я сделал серьёзное лицо. Контрольная закупка. Мужик побледнел. Какая ещё закупка? Я шагнул ближе и притянул его к себе за ворот куртки. Откуда бензин у советского гражданина в свободном пользовании? строго спросил я. Да ещё и в свободной продаже? Он открыл рот, но ничего не ответил. Я несколько секунд смотрел на него, потом махнул рукой. А хотя... Слушай, мужик. Машина у тебя на ходу? Он восторженно закричал. Конечно! Конечно, на ходу! Тогда куда-нибудь нас отвезёшь. Куда скажете!

Всегда пожалуйста! Вот и договорились. Не глядя на него, я вышел из гаража. Через минуту мы уже сидели в его новенькой «шестёрке» и совершенно бесплатно ехали домой. По дороге я повернулся к водителю. Как тебя зовут? Володя. Телефон, Володя. Он назвал номер. Вера тут же достала блокнот и записала. Я посмотрел на него через зеркало заднего вида. Будь на чеку, Володя. А что такое? Надо будет тебя вызвать. Он сглотнул. А если не отвечу? Я спокойно пожал плечами. Тогда вызову по повестке. Володя быстро закивал. Причём так энергично, что я даже испугался: ещё немного и голова у него действительно отвалится. Всё понял, пробормотал он. Вот и хорошо. Я откинулся на сиденье и посмотрел в окно. Похоже, красная корочка начинала мне нравиться.

Глава 13

Приехав домой, мы были радостно встречены Лидией Степановной. Она сразу принялась расспрашивать Веру о покупках, разглядывая каждую вещь и радуясь обновлениям вместе с дочерью. На ужин, как и следовало ожидать, был всё тот же борщ. И, что самое интересное, всех это совершенно устраивало. Я посмотрел на тарелки, на довольные лица и вдруг задумался. «Нет, так дело не пойдёт. Продовольственную корзину надо повышать». Мысль показалась мне настолько правильной, что я даже перестал есть. Оставив маму с дочерью радоваться покупкам, я вышел из дома, поймал такси и назвал адрес: В универмаг. Город Калуга был немаленький, но доехал я всего за рубль. «Интересно, поду-

мал я, расплачиваясь с водителем, если за рубль можно проехать через полгорода, то за три рубля, наверное, всю Калугу объехать можно». Я вышел из машины и остановился перед двухэтажным зданием городского универмага. С виду настоящий дворец торговли. «Ну что ж, посмотрим, чем тут советский человек питается».

Внутри меня встретили пирамиды из консервных банок, аккуратно выложенные до самого потолка, и такие же впечатляющие сооружения из шоколадных плиток. Я медленно пошёл вдоль рядов. Это что за убожество? пробормотал я себе под нос. Но настоящее испытание ждало меня у мясного отдела. Едва я подошёл, как в нос ударил густой, тяжёлый запах свежего сырого мяса. Я остановился. Почему-то от этого запаха во мне мгновенно проснулось что-то первобытное. В голове будто щёлкнул переключатель. «Мясо...» За прилавком стояла ярко накрашенная продавщица в высоком белом колпаке и взидала на очередь покупателей с таким видом, словно была самой настоящей царицей Нефертити. Я некоторое время постоял среди покупателей, разглядывая куски мяса и ошмётки сала. И вдруг понял неприятную вещь: моей милицейской зарплаты явно не хватит, чтобы нормально закупаться в этом павильоне. «Нет. Надо разобратся». Я отделился от толпы и, обойдя прилавков, направился за него. Вы куда, мужчина?! раздался за спиной возмущённый крик продавщицы. Я не остановился. Запах мяса становился всё сильнее, а вместе с ним во мне нарастало ка-

кое-то необъяснимое раздражение. Через несколько секунд я уже оказался у лестницы, ведущей вниз. Подвал. И именно там мне перегородили дорогу двое крепких сотрудников. Я остановился. Они посмотрели на меня. Я посмотрел на них. «Вот сейчас интересно, чем всё это закончится». Я, как уже неоднократно говорил самому себе, ещё не до конца изучил собственное тело и его новые возможности. Поэтому решил не отступать и просто пошёл напролом. Двое сотрудников, увидев наседающего на них покупателя весьма необычной наружности, сами вдруг оробели. Ещё бы. Не каждый день встретишь китайца, внезапно появившегося в подвале мясного отдела. И уж тем более непонятно, чем закончится подобная встреча. Но тут из глубины подвала появился человек в белом халате. Он остановился, посмотрел на нас и удивлённо произнёс: Боже мой... А что здесь происходит? Эта фраза каким-то чудом вернула меня в реальность. Я тяжело выдохнул, сунул ему прямо под нос свою красную корочку, даже не открывая её, и выпалил: Контрольная закупка! Двое бойцов передо мной буквально осели на пол. Я обернулся. Человек в белом халате прислонился к стене и выглядел так, будто находился в одном шаге от обморока. «Только этого мне не хватало. Ещё скорую вызывать придётся». Я быстро взял себя в руки. Опыт участкового подсказывал: если ситуация начинает выходить из-под контроля, главное говорить уверенно. Я выпрямился и громко скомандовал: Всем стоять! Не двигаться! В подвале мгновенно стало тихо. Все кас-

сы к инвентаризации! Все склады опечатать! Я сделал паузу и добавил: Все денежные средства, находящиеся в карманах сотрудников, считать излишками! Кажется, последняя фраза произвела особенно сильное впечатление. В подвале воцарилась мёртвая тишина. Я почувствовал, как на меня смотрят несколько десятков испуганных глаз. И невольно улыбнулся. Похоже, своим криком я всё-таки привёл народ в состояние полного душевного потрясения. Я развернулся, ткнул пальцем в человека в белом халате и спокойно произнёс: Заводить по одному. Он побледнел ещё сильнее. Куда заводить? Вот сейчас и разберёмся, ответил я. И только после этого до меня дошло, что я понятия не имею, кого именно и куда собирался заводить. Но отступать было поздно. Рассуждать и думать было поздно. Я схватил мужика в белом халате, втолкнул его в ближайшую дверь и уселся за стол. Так, товарищи, слушаем внимательно! рявкнул я. Каждый пишет явку с повинной: кто, сколько и чего украл. Кто добровольно признается с тем будем разбираться отдельно. А кто решит молчать конфискация имущества и лесоповал на Колыме на ближайшие десять лет! В подвале и без того стояла такая тишина, что, казалось, у присутствующих перестали биться сердца. Мужик в белом халате наконец вышел из своего оцепенения. Может... директора позвать? Директора в последнюю очередь! отрезал я. Сначала все остальные! И тут я окончательно вошёл в роль. Я уже был не китайцем-стажёром, которого они видели перед собой. Перед ними стоял

участковый, переживший девяностые и каким-то чудом дослужившийся до пенсии. Такой человек знал: если дать преступнику время подумать, он обязательно придумает, почему ничего не виноват. А теперь всем писать! рявкнул я. Кто, сколько и чего украл. Всё до последней банки, куска мяса и копейки! Кто не напишет будем считать, что он скрывает имущество. А дальше конфискация! В подвале стало совсем тихо. И тут я заметил, что атмосфера вокруг меня как-то резко изменилась. В помещении было холодно. Перед ними один представитель закона. А их было больше трёх. «Что-то мне это не нравится...» Я не успел додумать мысль. Две надвигающиеся на меня тени я встретил первым. С крючка рядом сорвал увесистую ляжку и махнул ею в сторону. Раздался грохот. Несколько тел исчезли из моего поля зрения. Когда шум немного стих, я снова выставил перед собой руку с красной корочкой. Стоять! Не двигаться! заорал я. Работает ОМОН! Здание окружено! В подвале воцарилась абсолютная тишина. Я почувствовал, что теперь отступать уже совершенно некуда. Поэтому, окончательно войдя в образ Жеглова, ткнул пальцем в сторону двери и гаркнул: Горбатого сюда!

Глава 14

В тишине складского помещения шуршала бумага. Человек десять склонились над листами и старательно строчили свои сочинения на тему «Как я провёл лето», только вместо пионерского лагеря у них почему-то фигурировали недоста-

чи, списания и исчезнувшие продукты. Я наблюдал за ними и чувствовал, что следствие наконец-то вошло в рабочее русло. И тут появился он. Дверь открылась, и в помещение вошёл мужчина с милой, почти располагающей улыбкой и лоснящейся физиономией. Он остановился у порога и несколько секунд созерцал происходящее с таким выражением лица, будто попал не на склад универмага, а в картинную галерею. А что тут происходит? произнёс он с недоумением, словно действительно не понимал, почему сотрудники магазина пишут признания под присмотром китайца с красной корочкой. Он ещё хотел что-то добавить, но я не дал ему произнести заключительную фразу. Кто это и кто за ним стоит мне было уже совершенно безразлично. Я хотел крови и мяса. В буквальном смысле. Поэтому я в прыжке достиг его воротника, рванул на себя и впечатал его лицом в холодный бетон складского помещения. Не мешайте следствию, прошептал я ему на ухо. После чего убрался обратно к столу. На некоторое время воцарилась тишина. Сотрудники, до этого отвлечённые от своих признаний, снова принялись писать. Видимо, перспектива оказаться рядом с лежащим на полу начальством действовала на них лучше любой производственной дисциплины. Прошло несколько минут. Я дождался, когда перья снова заскрипят по бумаге, а сотрудники окончательно поймут, что сопротивление бессмысленно, собрал их опусы в одну аккуратную стопку и только после этого убрал ногу с шеи лежавшего мужчины. Тот медленно поднял го-

лову и посмотрел на меня снизу вверх. Вы кто? спросил я, усаживаясь на край стола. Я... директор универмага, пролепетал он. Я посмотрел на него ещё раз. Значит, директор. А я-то думал, почему человек так уверенно зашёл на склад, где проходит контрольная закупка. Покажите ваш кабинет, приказал я. Директор молча поднялся, поправил пиджак и, стараясь не смотреть мне в глаза, двинулся к выходу. Я проследовал за ним. В его кабинете всё было совершенно иначе. Здесь не пахло мясом, пылью и холодным бетоном. Здесь благоухало каким-то почти пиршественным благополучием: полированная мебель, бумаги, чистые стены и запах хорошего кофе, который в обычном советском универмаге воспринимался почти как государственная тайна. Я уселся в его кресло. Директор остался стоять напротив. Я положил перед собой стопку признаний и начал читать. Первый лист. Второй. Третий. Почерк у всех был разный, но смысл постепенно складывался в одну очень неприятную для директора картину. Я бегло просмотрел несколько страниц, потом медленно поднял глаза. Директор универмага стоял передо мной неподвижно. Он был не просто бледен. Он был белее белого. Даже его лоснящаяся физиономия теперь куда-то исчезла. Я положил последний лист на стол. Ну что, товарищ директор, спокойно произнёс я. Похоже, у вас тут не универмаг, а целая маленькая экономика. Директор сглотнул. А я вдруг понял, что самое интересное только начинается. Конечно. Я поднял глаза на директора. Он стоял напротив стола и вни-

мательно следил за каждым движением моей руки. Это что? спросил я. Не знаю, тихо ответил он. Я взял следующий лист. А почерк ваш знаете? Директор посмотрел на бумагу. Потом на меня. Потом снова на бумагу. Это... не мой почерк. Конечно, согласился я. А подпись тоже не ваша? Он замолчал. Я продолжил читать. Чем дальше я продвигался, тем интереснее становилось содержание. Кто-то писал о недостачах, кто-то о товарах, которые исчезали со склада, кто-то подробно рассказывал, кому и за сколько уходило мясо. Один особенно усердный сотрудник даже указал даты. Я дочитал лист и медленно положил его на стол. Директор смотрел на бумаги уже совершенно иначе. Сначала он пытался сохранять достоинство. Потом начал нервно поправлять воротник. Затем стал вытирать лоб. А когда я достал очередное признание, он уже не выдержал. Этого не может быть... Почему? Потому что... он запнулся. Потому что это невозможно. А вы сами только что сказали, что не знаете этих людей. Я не это имел в виду. А что вы имели в виду? Он промолчал. Я взял ещё один лист. Здесь написано, что товар уходил через служебный вход. Директор вздрогнул. Какой ещё служебный вход? Вот этот, ответил я, показывая на окно. Он посмотрел туда, потом на меня. Я взял следующий лист. Здесь написано, кто получал товар. Ещё один лист. Здесь кто его отпускал. Ещё один. А здесь, товарищ директор, написано, кто давал распоряжения. Директор окончательно сник. Он уже не смотрел на меня. Он смотрел на бумаги, словно надеялся, что

написанные его сотрудниками признания сейчас сами собой исчезнут. Они всё врут, наконец прошептал он. Я постучал пальцем по стопке листов. Все? Все. Друг другу не сговариваясь? Он задумался. Ну... И каждый написал про разные эпизоды? Директор молчал. Я откинулся в кресле. Интересное совпадение. Он тяжело опустил на стул напротив. Лицо его стало совсем белым. Что теперь будет? спросил он. Я посмотрел на него поверх очередного признания. Теперь, товарищ директор, очередь писать будет ваша. Пишите, приказал я. Председателю КГБ СССР товарищу Андропову. В кабинете повисла такая тишина, что, казалось, даже часы перестали тикать. А потом в воздухе что-то изменилось. Тонкий запах благополучия, который до этого наполнял кабинет директора, вдруг куда-то исчез. Вместо него проник совершенно другой запах. Я медленно посмотрел на директора. Трудно было сказать, что именно произошло. То ли он обделался, то ли просто испугался настолько, что позволил организму самостоятельно принять решение. Но одно было очевидно: последний оплот его крепости пал. До этого он ещё держался. Наверное, надеялся, что все его подачки наверх доходят если не до самого министра торговли, то хотя бы до нужных людей в министерстве. Может, кого-то там он кормил, кому-то помогал, кому-то регулярно заносил конверты. И, судя по всему, это его немного успокаивало. Но против Андропова этот номер почему-то не работал. Для директора это была уже не фамилия. Это была высшая инстан-

ция, перед которой не существовало ни должности, ни связей, ни заслуг, ни прежних договорённостей. Андропов в его представлении был фигурой незыблемой. Человеком, который мог спросить с любого. И если уж до него дошло дело, то объяснить, что «так получилось», было практически невозможно. Директор медленно сел на стул. Товарищ... может, всё-таки не надо Андропову? прошептал он. Я посмотрел на него поверх листов. Почему? Он открыл рот, но ответа не нашёл. Я... могу всё исправить. Поздно. Я пододвинул ему чистый лист бумаги. Пишите. Что писать? Всё. Он взял ручку. Рука у него заметно дрожала. Я откинулся в кресле и посмотрел на часы. Похоже, контрольная закупка постепенно превращалась в полноценное следствие. И, судя по состоянию директора, с явкой с повинной у нас проблем не будет. Пишите чистосердечное признание, произнёс я сурово. Директор поднял на меня мутные от страха глаза. Сколько и кому передавали в конвертах. Фамилии министров. Фамилии милиционеров, которые вместо службы ходят в шкурах продажных волков. Всё пишите. До последней копейки. Он сглотнул и снова опустил глаза на чистый лист. Я не торопился. Мне даже нравилось смотреть, как человек, ещё недавно чувствовавший себя хозяином универмага, теперь не знает, куда деть собственные руки. Я упивался своей властью над казнокрадами. Ведь именно они, по моему убеждению, и развалили Советский Союз. Не народ, не рабочие, не простые люди они. Те, кто научился жить за счёт государства,

прятать товары, списывать недостатки и покупать себе спокойствие конвертами. Вот теперь пусть отвечают. Это и будет их карой. Директор что-то долго писал. Строка за строкой, дрожащей рукой выводил свои признания. Что именно он там написал, мне было уже почти безразлично. Главное было другое он писал. Когда он закончил, я вырвал из его дрожащих рук два исписанных листа, бегло взглянул на них и сложил пополам. Контрольная закупка не закончена, произнёс я. Директор вздрогнул. Вы будете находиться под наблюдением. Он замер. Ни с кем не говорить о произошедшем. Ни с сотрудниками, ни с друзьями, ни с родственниками. Особенно с людьми из министерства. Я сделал паузу и постучал пальцем по столу. В целях следствия в ваш универмаг будет внедрён наш сотрудник. Директор побледнел ещё сильнее. Если кто-нибудь из Министерства торговли узнает о нашей проверке, вас ждёт Колыма. Но я... Это не обсуждается. Я поднялся из кресла и посмотрел ему прямо в глаза. Потому что после этого вы нам будете уже неинтересны. Он молчал. Я взял со стола его признание и аккуратно постучал им по ладони. Наша цель гораздо выше. Директор едва слышно спросил: Кто? Я выдержал паузу. Григорий Иванович Ващенко. Министр торговли. В кабинете снова стало тихо. Я поправил пиджак и спокойно добавил: Не будет вас найдём другой универмаг. Директор посмотрел на меня так, будто только сейчас понял: всё, что происходило до этого, было лишь началом. Понимая, что день уже клонился к за-

кату, я наконец решил закончить следствие и миролюбиво произнёс: Соберите мне авоську. А то я проголодался. Возился с вами по службе весь день, а дома жена и дети ждут. Директор моргнул. На его лице впервые за всё время появилась улыбка. Осторожная, почти счастливая. Кажется, он понял, что существует ещё какая-то жизнь, кроме Колымы, Андропова и чистосердечных признаний. Конечно, товарищ... пробормотал он. И тут же вскочил с места. Через несколько минут он вернулся, тяжело сопя и волоча за собой здоровенный ящик. Я даже немного растерялся. Вот тебе и авоська. Я смотрел на ящик и постепенно выходил из своего состояния упоения властью. Всё-таки следствие следствием, а ужин по расписанию. В машину, приказал я. Директор тут же кивнул. Мы спустились вниз. Он погрузил ящики в служебную «Волгу» и только после этого почувствовал, насколько устал за этот день. Дорога домой прошла спокойно. Я благополучно добрался до квартиры Лидии Степановны на служебной «Волге». Стоило мне открыть дверь, как все сразу обратили внимание на ящик. Но на этом сюрпризы не закончились. За мной в квартиру внесли не один ящик подношений. А когда один из ящиков внес Егор удивились все. Лидия Степановна побледнела. Вера покраснела. А я стукнув его по плечу произнес ставь суда и завтра приходи в такое же время. Вскоре прихожая начала напоминать склад. Лидия Степановна сначала смотрела на всё это молча, потом перевела взгляд на меня. Вера тоже оживилась. Настроение в квартире заметно

улучшилось. Ещё бы. После тяжёлого трудового дня советскому человеку для полного счастья много не требовалось. Главное чтобы в доме была еда. А если её столько, что ящики приходится заносить вдвоём, значит, день прошёл не зря. И мы все забыли про Егора.

Глава 15

Когда мы начали разбирать и раскладывать содержимое ящиков, я довольно быстро пришёл к важному хозяйственному выводу. Нам нужен ещё один холодильник. Старый уже явно не справлялся с таким количеством продуктов. Да и куда всё это складывать я представлял с трудом. На секунду я даже задумался, не вернуться ли мне обратно в универмаг и не провести ещё одну небольшую контрольную закупку. Но посмотрел на часы. Было уже поздно. Да и штурмовать второй раз за один день советский магазин мне почему-то расхотелось. В конце концов, всему своё время. Поэтому мы просто накрыли стол и поужинали. Без допросов, без признаний, без красной корочки и угроз Колымой. Простая семейная обстановка. Еда на столе, разговоры, усталые лица и ощущение, что сегодняшний день наконец закончился. После ужина долго не сидели. День выдался тяжёлый. Очень тяжёлый. Я лёг в постель и обняв Веру почти сразу провалился в сон. Завтра был новый день. А значит, новые проблемы, новые проверки и, скорее всего, ещё один холодильник. Утро пробудило меня стояком. Ох уж это китайское тело подумал я взбираясь на Веру. Которая уже осыпала меня

ласками. Мавр сделал свое дело . Мавр может уходить. Разобравшись с положенными делами, я принял душ, облачился в спортивный костюм и решил немного размяться. Пробежал дополнительные триста метров и оказался на дорожке. Шокиров уже ждал меня. Привет крикнул он. Увидев, что я появился, он без лишних слов присоединился к пробежке. Здравия желаю ответил я. Мы побежали рядом. Первые пять минут в полной тишине. Только размеренный топот ног по дорожке да наше дыхание. Наконец любопытство взяло верх. А вы меня по этнической принадлежности выбирали или как? спросил я. Шокиров промолчал. Мы бежали дальше. Прошла ещё примерно минута. Потом ещё. Он явно обдумывал, как ответить, но, судя по всему, решил не отвечать вовсе. У турников мы остановились. Шокиров посмотрел на меня. Сколько подтянешься? Я почему-то сразу расслабился. Наверное, после вчерашнего дня мне уже было сложно воспринимать происходящее всерьёз. Поэтому позволил себе пошутить: Да у вас пальцев не хватит это замерить. Шокиров на секунду посмотрел на меня, а потом неожиданно рассмеялся. А ну покажи! задорно воскликнул он. Я сам не ожидал от себя, но тут же подпрыгнул и ухватился за перекладину. И начал подтягиваться. Раз. Два. Три. Десять. Я постепенно перестал считать окружающее и сосредоточился на собственном теле. И чем дальше, тем больше поражался. Силы не заканчивались. Мышцы работали словно сами по себе. Когда счёт перевалил за двадцать, я уже мысленно ма-

терился: *Да блядь, сколько можно?* Самое интересное было даже не количество подтягиваний. А то, что я совершенно не чувствовал предела. Можно было продолжать. Но устраивать рекорды перед полковником мне почему-то не хотелось. Я отпустил перекладину и спрыгнул на землю. Молодец, похвалил Шокиров. Мы снова побежали. Через некоторое время он свернул с дорожки на тропинку. Не зря я на тебя ставку сделал, бросил он через плечо. Я не стал его догонять. Побежал дальше своим маршрутом. Вернувшись, я принял душ, переоделся и направился на работу. У входа меня уже ждала Людмила. Она посмотрела на меня вместо приветствия и сразу спросила: Ты где был? Похоже, она решила с самого утра поставить меня на место. Но я спокойно ответил: У полковника. Людмила замерла. У какого ещё полковника? У Шокирова. Она озадаченно замолчала. По её лицу было видно: эта информация явно не входила в её утренний план воспитания стажёра. Кажется, ей до сих пор было непросто свыкнуться со своей временной должностью заместителя начальника отдела. Особенно учитывая состав подчинённых. Одна сотрудница её подруга. А второй я. Стажёр непонятного происхождения, с ещё более непонятными связями и совершенно непредсказуемым образом жизни. Людмила несколько секунд молча смотрела на меня. Потом вздохнула. Ладно. Работай. Я кивнул и произнес а как работать если ни кто не научил. Похоже, утро начиналось интересно. Кабинет теперь был уже моим. Два стола, шкаф с пап-

ками и моя пишущая машинка. Всё выглядело солидно. Особенно пишущая машинка единственный предмет в кабинете, который, судя по всему, действительно собирался работать. Я сел за неё и посмотрел на первый отпечатанный лист. Дело № 1. Подумал. Посмотрел на папку. Снова на машинку. Потом перевёл взгляд на Людмилу. Взгляд, видимо, получился достаточно выразительным, потому что она сразу поняла, что я хочу спросить. Ну вот, смотри, начала она, придвигаясь к моему столу. Дела возбуждены по сто сорок четвёртой и сто сорок пятой. Кража и грабёж. Теперь их надо отработать. *Отработать.* Интересное слово. Я всегда думал, что преступления расследуют. Оказывается, их можно просто отработать. Людмила раскрыла первую папку. Для начала выносишь постановление о принятии дела к производству. Бланки я тебе дам. Потом... Она перелистнула несколько страниц. Вот здесь потерпевший не допрошен. Значит, вызываешь его и допрашиваешь под протокол. Я кивнул. Пока всё было понятно. Дальше пишешь отдельные поручения органам дознания. Пусть устанавливают свидетелей и лицо, совершившее преступление. Я снова кивнул. То есть преступника искать будут они. Уже неплохо. Это понятно? Понятно. А дальше что? Людмила совершенно спокойно ответила: А дальше ждёшь два месяца. Я замер. Чего ждёшь? Два месяца. А потом? А потом приостанавливаешь дело. Я несколько секунд смотрел на неё. И всё? И всё. Я перевёл взгляд на папку. Потом снова на Людмилу. А преступника искать не надо?

Людмила даже улыбнулась. Почему не надо? Я же тебе сказала: пишешь отдельные поручения УГРО. Они его и ищут. А-а-а... Теперь всё стало намного понятнее. Значит, схема была гениальная. Я возбуждаю дело. Пишу бумагу. Ещё одну бумагу. Потом поручение. Потом жду. Потом пишу бумагу о том, что пока ничего не найдено. И всё это называется расследованием. Я даже почувствовал уважение к системе. Такую простоту ещё придумать надо было. А я сам тогда чего делать буду? спросил я. Допрашивать тех, кого тебе доставят, невозмутимо ответила Людмила. Я посмотрел на неё. То есть если никого не найдут, я просто буду сидеть? Ну почему сидеть? Бумаги писать. *Вот оно что.* Оказывается, преступность в нашей стране держалась не на преступниках. Она держалась на бумаге. Пока преступник бегал где-то на свободе, бумага ходила по кабинетам, получала номера, подписи, резолюции и в конце концов благополучно ложилась в папку. Причём папка, в отличие от преступника, никуда не убегала. Хорошо, сказал я. А если преступника всё-таки найдут? Людмила посмотрела на меня почти с сочувствием. Тогда тебе будет гораздо хуже. Почему? Потому что дело придётся готовить в суд. Экспертизы назначать, очные ставки проводить, документы собирать, обвинительное заключение писать... Она перечисляла обязанности одну за другой. Я слушал и всё больше понимал преимущества нераскрытого преступления. В общем, умотаешься, закончила она. Так что лучше пусть они его годами ищут. Людмила рассмеялась.

А я задумался. И что, все следователи так работают? Нет, ответила Людмила. Так работают нераскрытчики. А те, кто раскрывает? Те дела в суд направляют. Я посмотрел на папку перед собой. Теперь мне стало окончательно ясно, почему в кабинете столько шкафов. Папки здесь хранили не только уголовные дела. В них хранились надежды государства когда-нибудь найти преступника. А пишущая машинка, похоже, была главным оружием следователя. Не против преступности. Против чистого листа. Я положил пальцы на клавиши. Ну что ж, пробормотал я. Будем бороться с преступностью. А я начал печатать постановление о принятии дела к производству. Первый удар по преступности был нанесён. Чернилами. Людмила долго стажировать меня не могла. Её вызвали по каким-то делам, а я остался один на один со своей пишущей машинкой и первым уголовным делом. Пару минут я честно пытался вникнуть в бумаги. Потом мне стало скучно. Я посмотрел в окно. Утро было тёплое, летнее, город уже жил своей обычной жизнью, а мне вдруг совершенно расхотелось бороться с преступностью посредством постановлений и отдельных поручений. Я вышел на улицу просто подышать воздухом. А ноги, как это часто со мной бывало, сами вынесли меня к квартире. Дома меня встретили Лидия Степановна и Вера. Причём Вера почему-то была нарядно одета. А я тебя ждала, объявила она. Я воспринял это как вполне приятную новость. У меня как раз созрел хозяйственный план купить холодильник. Причём сегодня. Не хотелось от-

кладывать такое важное мероприятие на потом и заставлять женщину часами стоять у шкафа, выбирая платье. Мы уже собирались выходить, когда раздался звонок. Вера, как послушная дочь, пошла открывать дверь. Открыла. И сразу замолчала. Медленно попятилась назад. На пороге стоял настоящий милиционер. Высокий, в форме, с папкой под мышкой и тем самым выражением лица, которое сразу говорило: сейчас будем проверять документы. Он вошёл, оглядел комнату и произнёс: Кто здесь проживает без прописки? Вопрос прозвучал так буднично, будто он спрашивал не о людях, а о лишнем стуле. Женщины моментально побледнели. Я тоже решил не отставать. Сел на стул, протянул к нему руки и самым гнусавым голосом произнёс: Я ваша не понимать. Я китаец. Орустуйте меня. Милиционер посмотрел на меня. Потом на мои протянутые руки. Потом снова на меня. Видимо, в его представлении проверка прописки должна была идти немного иначе. Он напрягся. Профессиональная интуиция явно подсказывала ему, что человек, который при появлении милиции добровольно тянет руки вперёд, может оказаться гораздо интереснее обычного жильца без прописки. Прошу прощения, осторожно произнёс он. Здравствуйте. Я ваш участковый, Макаренко Вадим Семёнович. Предъявите, пожалуйста, документы. Женщины тут же засуетились. Начался шорох бумаги, открывались комоды, заскрипели ящики. Обычная советская процедура. Милиционер проверяет граждан. Граждане ищут документы. Государство согласно

кивает. Я же продолжал сидеть с протянутыми руками. Макаренко посмотрел на них ещё раз. Товарищ, руки можете опустить. Можно? Можно. Я опустил. Он, кажется, немного выдохнул. Тем временем жильцы квартиры предъявили ему документы. Макаренко внимательно сличил фамилии, прописку, даты, ещё раз посмотрел бумаги. Работа шла основательно. Человек явно не собирался отпускать от государства ни одной лишней буквы. Наконец он закончил проверку и посмотрел на меня. Я сделал вид, что не заметил. Он подождал. Я тоже подождал. Получилась настоящая полицейская пауза. А ваши документы? наконец вежливо спросил он. Я повернулся к нему. С какой целью интересуетесь, товарищ лейтенант? Он замер. Похоже, проверка внезапно вышла за пределы утверждённого сценария. По долгу службы имею право потребовать документы для проверки, заявил он уже твёрже. Я улыбнулся. А я по долгу службы могу их вам не предоставлять. Почему? Потому что вы пока не объяснили мне основания. Макаренко посмотрел на меня. Я смотрел на него. Женщины замерли. В квартире стало так тихо, будто сейчас решалась судьба не одного документа, а всей советской паспортной системы. Но я участковый, напомнил он. Это я уже понял. Я сделал небольшую паузу. Если вам очень хочется посмотреть мои документы, возьмите санкцию у прокурора. Я человек терпеливый. Подожду. Макаренко явно не ожидал, что обычная проверка прописки потребует участия прокурора. Он задумался. Наверное,

мысленно перебирал все варианты развития событий. Первый проверить китайца. Второй не проверить китайца. Третий спросить начальство. Четвёртый сделать вид, что всё уже проверил. Победил четвёртый. Ну... раз у вас всё в порядке, я пойду. Он развернулся к двери. Товарищ лейтенант, остановил я его. Он застыл. Я попрошу вас задержаться ещё на пять минут. Для выяснения ваших полномочий. Вот теперь он действительно испугался. Похоже, в его служебной практике ещё не было случая, когда проверяемый гражданин после окончания проверки начинал проверять проверяющего. Он медленно обернулся. Я же участковый, растерянно повторил он. Это вы уже второй раз говорите. Я внимательно посмотрел на его форму. Вы же к уголовному розыску относитесь? Он быстро кивнул. Хорошо. Тогда назовите непосредственного руководителя. Макаренко вытянулся по стойке. Полковник Кудасов. Должность? Начальник Ленинского уголовного розыска. Звание? Полковник. Понятно. Я выдержал паузу. Можете быть свободны. Он кивнул. Но не ушёл. Разрешите идти? неожиданно выпалил он. Я едва не улыбнулся. Ещё пять минут назад человек пришёл устанавливать, кто здесь имеет право жить. Теперь он сам просил разрешения покинуть квартиру. Да, товарищ лейтенант. Свободны. Макаренко осторожно вышел. Дверь закрылась. Несколько секунд никто не произносил ни слова. Лидия Степановна посмотрела на меня. Как ты строго его... Я неопределённо пожал плечами. Вера тем временем подбежала ко мне и приоб-

няла за плечи. Идём, сказал я. Мы вышли из квартиры. Холодильник ждать не будет. А милицейская проверка, как я понял, тоже имеет свои пределы. Особенно когда проверяющий случайно обнаруживает, что проверять начали уже его самого.

Глава 16

Поймав такси, я вдруг передумал ехать за холодильником. И зачем куда-то ехать специально за холодильником, если можно сначала решить вопрос по службе, а уже потом холодильник как-нибудь сам материализуется? В универмаг, сказал я водителю. Мы подъехали к входу, и я только успел открыть дверь, как понял, что здесь меня уже ждали. Не знаю, каким образом они успевали узнавать о моих перемещениях, но у меня всё чаще возникало ощущение, что советская торговля работает значительно эффективнее советской милиции. Едва мы вошли, навстречу нам бросилась женщина. Здравствуйте! Проходите, пожалуйста. Товарищ директор вас уже ждёт. Я посмотрел на Веру. Она тоже слышала. Но, к моему удивлению, даже не удивилась. Похоже, она уже входила в роль. Мы прошли в торговый зал. Навстречу нам буквально бегом двигался директор универмага. Ещё изда- лека он расплылся в приветливой улыбке. Очень рады вас видеть! произнёс он, протягивая мне руку. Мы пожали друг другу руки. Вера спокойно стояла рядом. Никаких вопросов. Никакого удивления. Видимо, за последние дни она окончательно решила, что если рядом со мной происходит что-то

странное, то это и есть нормальная жизнь. Прошу, директор жестом пригласил нас за собой. Мы сразу прошли в отдел кадров. Директор открыл дверь, пропустил нас внутрь и замер, ожидая дальнейших распоряжений. Я оглядел кабинет. Вот наш сотрудник, неопределённо произнёс я и указал на Веру. Директор перевёл взгляд на неё. Потом на меня. Потом снова на неё. В его глазах постепенно появилось выражение человека, которому только что дали задачу, но забыли сообщить условия. Наконец он осторожно спросил: А документы? Я посмотрел на него с искренним возмущением. Вы что, в своём уме? Директор застыл. Какие ещё документы? У вас проверка! Проверка? Конечно! Вы что, идиот? Он окончательно впал в ступор. Я уже подумал, что придётся объяснять всё с самого начала, но директор всё-таки был не зря директором. Через несколько секунд он пришёл в себя. Не беспокойтесь, быстро произнёс он. Всё будет в лучшем виде. Никто ничего не узнает о вашей сотруднице. Зарплату обеспечим... Не надо так громко, перебил я его. Мы вышли из кабинета и прошли к нему. Директор мгновенно понизил голос. Наклонился ко мне. Я вас понял, заговорщически прошептал он. И по его лицу я понял, что он понял совершенно не то. Но раз понял пусть живёт спокойно. Я тоже наклонился к нему и прошептал: Мне нужен холодильник. Он моргнул. Для ваших товаров? Для ваших товаров. Директор кивнул. Я продолжил ещё тише: В определённой квартире. Директор посмотрел на меня понимающе. По тому же адресу?

Я кивнул. На его лице появилась улыбка. Я улыбнулся ему в ответ. Мы достигли полного взаимопонимания, не выяснив при этом абсолютно ничего. Ну вот, Верочка, уже громко сказал я, выпрямляясь. Ты будешь здесь стажироваться. Вера оглядела кабинет директора. Здесь? неуверенно спросила она. Директор мгновенно побледнел. Я увидел, как у него в глазах промелькнула страшная мысль. «Меня снимают с должности». Он даже слегка опустил плечи. Нет-нет, успокоил я его. Не волнуйтесь. Директор осторожно поднял голову. Ты будешь стажироваться в этом универмаге, пояснил я Вере, в должности товароведа. Директор несколько секунд молчал. Потом его плечи расслабились. На лице появилась широкая улыбка. Человек только что избежал карьерной катастрофы и теперь был готов любить меня всей душой. Конечно, быстро согласился он. Разумеется. Прекрасная кандидатура. Вера кивнула, будто всё происходящее было совершенно обычным. Мы попрощались и вышли из кабинета. За спиной остался директор, который, судя по выражению его лица, уже мысленно распределял обязанности новой стажёрки, искал холодильник и одновременно пытался понять, что именно сегодня проверяла милиция. А я окончательно решил, что искать холодильник самостоятельно мне действительно лень. В конце концов, если в стране есть универмаг, директор и служебная проверка, зачем человеку вообще ходить по магазинам? Мы вышли на улицу. А я уже чувствовал, что сегодняшний день только начинается. Мы с

Верой поехали в парк отдыха. Если честно, парк оказался для меня настоящим открытием. Ни в моей прежней жизни, ни в памяти нынешнего хозяина тела никаких воспоминаний о подобных прогулках не обнаружилось. Видимо, оба предыдущих владельца считали, что отдых это роскошь, а карусели существуют исключительно для детей и людей, которым нечем заняться. Поэтому я с интересом рассматривал всё вокруг. Был обычный будний день. Народу немного, половина аттракционов не работала, а возле некоторых каруселей висели таблички с таким видом, будто их закрыли ещё при товарище Сталине и с тех пор просто забыли открыть. Но нам и этого хватило. Мы катались, смеялись, ели мороженое, потом купили сахарную вату. В какой-то момент я уже перестал понимать, где заканчивается сахарная вата и начинаемся мы. Вера смеялась, глядя на меня. У тебя вся рубашка в сахаре. У тебя тоже. И лицо. У тебя тоже. А волосы? Я потрогал волосы. Тоже. Вера рассмеялась ещё сильнее. В итоге домой мы возвращались практически обмазанные сахарной ватой, довольные и совершенно счастливые. Настроение было таким хорошим, что испортить его, казалось, не мог даже самый злостный сотрудник советской милиции. Но мы решили задержаться в кафе при парке отдыха. Был четверг. Обычный будний вечер, да к тому же рыбный день. Ничего особенного. Мы просто вошли в зал, выбрали свободный столик и уселись. Вокруг играла музыка, люди разговаривали, звенели вилки и стаканы. Самая обычная жизнь. Ничто не пред-

вещало беды. Давай шашлык в два лица, предложил я. Вера улыбнулась. А выпить? Бутылку вина. Заказ приняли быстро. Мы сидели, разговаривали, смеялись. Вино постепенно сделало своё дело, и окружающий мир стал каким-то мягким и немного нереальным. А потом Веру у меня буквально увели из-под носа. Сначала я даже не понял, что произошло. Помню только, что поднялся из-за стола и несколько секунд совершенно бессмысленно кружил среди людей, пытаюсь сообразить, куда она делась. Голова была лёгкой, в ушах шумело. И вдруг я услышал её крик. Вова! Всё внутри мгновенно протрезвело. Я увидел Веру в толпе её окружили несколько чернобровых парней. Кто-то держал её за руку, кто-то что-то кричал. Я не антисемит и вообще против национальностей ничего не имею. Но когда кто-то пытается отобрать у меня то, что я считаю своим, во мне просыпается совсем другой человек. И в этот момент я даже не стал свистеть, складывая губы бантиком и призывая кого-нибудь на помощь. Моё тело само сорвалось с места. Я только успел увидеть, как моя нога летит вперёд и врежется в ближайшего из нападавших. А дальше... Дальше я уже ничего толком не понимал. Кто-то попытался схватить меня за плечо. Я развернулся. Кто-то полетел на стол. Потом ещё один. Я сам не успевал понять, что делаю. Во мне, между прочим, всего шестьдесят пять килограммов. И рост примерно такой же, как количество килограммов, в смысле, совсем не богатырский. Но почему-то в тот вечер это никого не спасло. Через несколько секунд в

кафе наступила мёртвая тишина. Я стоял посреди зала. А вокруг меня лежали те, кто ещё минуту назад считал себя хозяином положения. Музыканты на сцене замерли, вцепившись в свои инструменты. Один даже застыл с поднятой рукой, словно боялся пошевелиться. Я огляделся. Вера? Она стояла у стены, бледная и перепуганная. И тут где-то снаружи завывла сирена. Вот теперь я понял, что вечер окончательно перестал быть обычным. В зал ворвались люди в форме. Они начали хватать всех подряд, кому-то заламывали руки, кого-то укладывали лицом к стене. Я спокойно вернулся за свой стол. Сел. Налил себе из графина сока. Сделал глоток. Всё происходящее вокруг казалось каким-то абсурдным спектаклем. Когда люди в форме добрались до нашего столика, я просто достал удостоверение. Следственный отдел, громко объявил я. Показал корочку. И тут же убрал обратно. Но почему-то этого им оказалось мало. Вокруг нашего столика начали собираться люди. Кто-то что-то спрашивал, кто-то пытался заглянуть мне через плечо. Я посмотрел на толпу. «Вот это уже интересно, подумал я. Неужели придётся своих бить?» И тут тишину разорвал суровый голос: Полковник Шокиров! Всем стоять! Я даже не обернулся. Просто долил себе сока и протянул стакан Вере. Она дрожащей рукой взяла его. Пей. И только после этого я услышал: Это мой сотрудник! Это сказал Шокиров. Полковник Азамат Гулянович. словно по волшебству, тучи над нашим столиком начали рассеиваться. Люди в форме остановились. Кто-то от-

ступил. Кто-то наконец понял, что происходит. Я благодарностью посмотрел на полковника. Он лишь коротко кивнул мне. Вера заметила всё. Она видела, как за одну минуту я из пьяного посетителя превратился сначала в участника драки, потом в подозреваемого, а затем каким-то образом снова оказался просто сотрудником следственного отдела. Когда в зале наконец установилось спокойствие, Вера поставила стакан на стол. Потом подошла ко мне и протянула руку. Идём. Куда? Она ничего не ответила. Просто потянула меня за собой. И мы вышли в центр зала. Музыку! крикнула Вера. Музыканты переглянулись. Потом один из них осторожно взял аккорд. Второй подхватил. Через несколько секунд заиграла музыка. Мы с Верой танцевали посреди зала, словно ничего не произошло. Наверное, это был самый странный танец в моей жизни. Вокруг валялись перевернутые стулья, кто-то приводил в порядок столы, люди косились на нас, а мы просто танцевали. Мы чувствовали себя победителями. Поэтому из кафе вышли последними. Перед уходом я достал деньги и протянул Вере тридцать рублей. Раздай ребятам. Она удивлённо посмотрела на меня. Всем? Всем, кто до конца обслуживал наш столик. Вера улыбнулась, взяла деньги и сама раздала чаевые официантам и работникам кафе. Те сначала растерялись, потом заулыбались и начали благодарить. А мы вышли на улицу. Ночь уже отступала. На горизонте проступала первая бледная полоса рассвета. Город медленно просыпался, а парк за нашей спиной постепенно затихал. Мы с

Верой молча пошли домой. В первых лучах рождающегося солнца. И только тогда я окончательно понял одну простую вещь: вечер, который начинался с шашлыка и бутылки вина, закончился дракой, полковником Шокировым и танцами посреди разгромленного кафе. Для обычного четверга вполне насыщено. Мы шли пешком час. И тут возле подъезда я увидел Егора. Он стоял, прислонившись к стене, и явно кого-то ждал. Вера тоже его заметила. Но, к моему удивлению, даже не смутилась. Видимо, после сегодняшнего знакомства с участковым, директором универмага и прочими представителями государственной системы Егор уже не производил на неё особого впечатления. Мы подошли. Я дружески похлопал его по плечу. Привет. А потом наклонился к его уху и тихо прошептал: Завтра жду тебя здесь. На этом же месте. Егор молча кивнул. Мы вошли в подъезд. Дома нас встретила Лидия Степановна. Увидев нас, она сначала посмотрела на Веру, потом на меня, потом на наши сладкие лица и одежду. Господи... Где это вы были? В культурном учреждении, серьёзно ответил я. В каком ещё учреждении? В парке отдыха. Лидия Степановна посмотрела на нас ещё раз. А сахарная вата это тоже культурное мероприятие? Основная часть программы. Вера засмеялась. Я тоже. Вскоре смех уже невозможно было остановить. Лидия Степановна махнула рукой: Идите хоть переоденьтесь. Мы отправились в комнату. Долго возились с постелью, перестилали её, снова смеялись, толкались и никак не могли успокоиться. Наконец

легли. Но уснуть сразу не получилось. В квартире то раздавался смех, то шорох, то какой-нибудь грохот. Лидия Степановна несколько раз переворачивалась с боку на бок, прислушивалась к происходящему за стеной и, видимо, мысленно задавалась вопросом, почему после одного обычного похода в парк в её квартире снова стало шумнее, чем на вокзале. А мы ещё долго не спали. День получился удивительно хорошим. Никаких проверок. Никаких протоколов. Никаких санкций прокурора. Только парк, сахарная вата и ощущение, что иногда можно просто провести вечер и никому ничего не доказывать.

Глава 17

Я не помнил, что было вчера. Да что там вчера я вообще не помнил, что было до этого. Просто в какой-то момент моё тело проснулось раньше сознания. Оно само натянуло на себя трико, схватило футболку и, даже не потрудившись её надеть, выскочило из квартиры. Кеды я натянул уже на ходу. На часах было шесть утра. Улица встретила меня прохладой и почти полным безлюдьем. Город только начинал просыпаться. Где-то хлопнула дверь подъезда, проехала первая машина, а дворники лениво возились возле тротуаров. Я побежал. С каждым ударом ног об асфальт вкус вчерашнего перегара становился всё ощутимее, а головная боль отдавалась в висках так, будто внутри черепа кто-то методично бил молотком. За что мне всё это?... пробормотал я себе под нос. Организм, правда, ответа не дал. Я уже начал подумывать о том,

чтобы перейти на шаг, когда сзади услышал знакомый голос: Как спалось? Я обернулся. Рядом со мной бежал Шокиров. Полковник выглядел так, словно в его жизни вчера вообще ничего не происходило. Ни драки, ни кафе, ни вина, ни прочих приключений. И вам доброе утро, ответил я, причём настолько некорректно, что сам понял: лучше бы промолчал. Но Шокиров воспринял мой ответ совершенно адекватно. Доброе утро, Вова, спокойно произнёс он и пристроился рядом. Некоторое время мы бежали молча. Потом он покосился на меня и с совершенно невозмутимым видом спросил: Ну что, головка бобо? Почему-то меня этот вопрос совершенно не впечатлил. Товарищ полковник, произнёс я, не сбавляя темпа, я сейчас не только отожмусь. Я ещё и до полюса добегу. Сказал и сам испугался собственных слов. Шокиров посмотрел на меня. Потом, не говоря ни слова, предусмотрительно свернул в сторону. Я остался один. И тут же понял, что доказывать мне больше никому ничего не надо. Я ещё метров сто бежал с видом человека, который действительно собирается покорить Северный полюс, а потом резко изменил направление и направился к своему подъезду. Героизм закончился примерно там же, где началась одышка. Домой я добрался совершенно разбитым. Быстро принял душ, постоял несколько минут под горячей водой, надеясь, что вместе с ней из меня смоется всё вчерашнее. Не помогло. Завтракать я даже не стал. Через некоторое время уже сидел на работе. И только тогда окончательно вспомнил главное:

сегодня была пятница. А значит, вчера был четверг. И, судя по моему состоянию, четверг прошёл явно не зря. Я сидел в пустом кабинете и таращился на пишущую машинку. Пятница, тринадцатое... пробормотал я. Символично. Где-то в глубине души я даже ждал каких-нибудь ужасов. Фредди Крюгера, например. Или другого монстра, который вот-вот вылезет из шкафа и объяснит, зачем меня занесло именно сюда. Попробуй кому-нибудь такое Расскажи не поймут. Да что там не поймут... Подумают, что окончательно тронулся. Эх... Другая эпоха. Чужие нравы. В животе предательски заурчало. И зачем я только не позавтракал? В памяти тут же всплыло простое и привычное: телефон, приложение, пара нажатий и через полчаса тебе привезут всё, что душа пожелает. А теперь? Я посмотрел на пишущую машинку. А теперь ничего. Пришлось вставать и идти. Примерно через пять километров я наконец обнаружил булочную. И тут меня ждало настоящее открытие. Оказывается, даже в этом времени существовали круглосуточные магазины. Цивилизация! Пусть и советская. «Всё для народа. Всё для трудящихся», усмехнулся я про себя. Через несколько минут я уже выходил отсюда с тремя тортами, пакетом булочек и выражением человека, совершившего стратегически важную закупку. Обратный путь показался ещё длиннее. Когда я наконец добрался до отдела, первое, что меня насторожило, подозрительная тишина. Слишком тихо. Я остановился в дверях, прислушался. Никого. Ну и ладно... Делать всё равно было нечего. Я по-

ложил покупки, сел за машинку и подтянул к себе папку. На первом листе было написано: «Дело № 1». Я прочитал заголовок. Подумал. Повернул лист. Снова посмотрел на него. На этом дело номер один, собственно, и закончилось. Ты где был? Я поднял голову. В дверном проёме стояла Людмила. Она смотрела на меня так, будто я не прогулялся до булочной, а как минимум продал отдел американцам. И вам доброе утро, произнёс я и одарил её самой дружелюбной улыбкой. Здравствуй, ответила она, явно поражённая моим спокойствием. Ты не ответил на мой вопрос. Голос уже становился строже. Меня отвлекли по служебным делам, невозмутимо ответил я. Для убедительности ткнул пальцем в пишущую машинку. Вот... работа. Людмила на секунду замерла. При разговоре с вышестоящим офицером необходимо вставать, грозно произнесла она. Я медленно оглядел её с ног до головы. Особенно внимательно посмотрел на плечи. Погон не было. Насколько я вижу, форма у вас гражданская, спокойно заметил я. Поэтому ваших амбиций я, честно говоря, не совсем понимаю. А я позволю вам заметить, человек сугубо гражданский. Мой взор уперся на её груди. Людмила проследила за моим взглядом и тут же покраснела. Ты... ты мой стажёр! Последнее слово она буквально выплюнула. Я чуть не улыбнулся. Нет, ну какой стажёр? Во мне, несмотря на новое тело, давно уже не было того юнца, которого можно напугать повышенным голосом. В душе я оставался прожжённым участковым, которому доводилось разговаривать с

людьми куда покруче этой молодой следачки. Так что наскоком меня было не взять. Во-первых, я не ваш личный стажёр, ответил я уже без улыбки. Ни в каком приказе я не расписывался. Во-вторых, ваш повышенный тон я не понимаю. А в-третьих... Я сделал паузу. Благодаря мне ваша карьера, насколько я понимаю, пошла вверх. Людмила покраснела ещё сильнее. Казалось, сейчас у неё из ушей пар пойдёт. Ху... начала она, пытаясь произнести мою новую фамилию, но тут же осеклась. С фамилией явно возникли проблемы. Назвать меня по имени-отчеству она не хотела. По имени тоже. Перед ней сидел какой-то наглый китаец с совершенно непонятной фамилией, который вдобавок совершенно не боялся её должности. Людмила несколько раз растерянно моргнула. Я понял, что ещё немного и она перейдёт на крик. Поэтому решил её добить... точнее, успокоить. Сегодня утром я встречался с полковником, совершенно буднично сообщил я. Так что все претензии можете предъявить ему. Людмила замерла. Какому полковнику? Хотите, я ему позвоню? Я сделал паузу. Он вам сам всё объяснит. Или всё-таки поверите мне на слово? Она ещё несколько секунд пыхтела, пытаясь сохранить грозный вид. Но ситуация явно начала доходить до неё самой. Кричать на человека, который только что спокойно заявил, что при необходимости может связаться с полковником, было уже не так удобно. Пойдёмте лучше чай пить, предложил я. Я поднялся из-за стола, прихватил один из тортов и направился к двери. Что? Чай, говорю. Утро всё-

таки. А разговор на голодный желудок ни к чему хорошему не приводит. Людмила растерянно посмотрела на меня. Я уже взял её под локоть. Идёмте. В кабинете напротив Ксюша всё это время сидела тихо, стараясь делать вид, что совершенно не слушает наш разговор. Услышав, что мы вошли, она мгновенно выпрямилась и с таким грохотом уселась на стул, будто всё это время была занята исключительно работой. Я поставил торт на стол. Вот. Хоть какое-то достижение за сегодняшнее утро. Людмила села в кресло. Несколько секунд молчала, приводя в порядок мысли и собственные эмоции. Похоже, до неё наконец дошло, насколько комично выглядела вся эта сцена. Я обошёл кресло и встал у неё за спиной. Расслабьтесь. Что ты делаешь? настороженно спросила она. А вы вся напряжены. Я положил руки ей на плечи и осторожно начал разминать затёкшую шею. Людмила сначала напряглась ещё сильнее. Ты... совсем обнаглел? Возможно, спокойно ответил я. Но чай уже есть. Торт тоже. А значит, утро постепенно налаживается. Ксюша за соседним столом вдруг очень заинтересованно уткнулась в бумаги. Хотя по тому, как она прятала улыбку, было совершенно понятно: работу она уже давно не читала. Приняв, видимо, какое-то окончательное решение, Людмила наконец вздохнула и произнесла: Ксюша, поставь чай. Ксения тут же подняла голову. Ты чего? Трудоголика включила? Произнесла Людмила. Она вскочила со стула с такой радостью, будто только что получила разрешение покинуть рабочее место навсегда. Кажет-

ся, ситуация наконец разрешилась, а Людмила окончательно успокоилась. Ксюша достала чайник, бросила внутрь кипя- тильник и включила его в розетку. Тот моментально загудел, принявшись разгонять молекулы воды. Я посмотрел на это чудо советской инженерной мысли и подумал, что до микро- волновки им явно ещё далеко. Ой, какой тортик! вдруг вос- кликнула Ксюша. Володя, ты молодец! Она подошла к сто- лу, рассматривая покупку. И словно по сигналу в кабинет влетела Ирочка. О, доброе утро, Володя! радостно выпали- ла она. А у вас тортик? Не дожидаясь разрешения, она тут же отщипнула пальцами орешек с боковины торта. И толь- ко после этого заметила Людмилу. Вернее, то, чем Людмила была занята. Я всё ещё стоял за её креслом, а мои руки ле- жили у неё на плечах. Ирочка застыла. Её глаза округлились. Потом она медленно покраснела и так же медленно начала пятиться к двери. Я едва сдержал улыбку. Но тут Ирочка за- метила Ксению, которая уже резала торт, и мгновенно вер- нула на лицо нормальное выражение. А по какому поводу торт? как ни в чём не бывало спросила она. Пятница, три- надцатое, торжественно объявил я, надеясь произвести впе- чатление. Никакого впечатления не произошло. Ксюша даже головы не подняла. Пятница это хорошо, спокойно сказала она, нарезая торт. Я мысленно вздохнул. Вот тебе и мистика. В моём времени пятница тринадцатое могла стать поводом для фильма ужасов. Здесь же она оказалась просто пятни- цей. И ещё и с тортом. Ирочка тем временем уже расставля-

ла чашки. Сколько сахара? Мне две ложки, ответила Ксюша. Мне одну, сказала Людмила. А мне без сахара. Кипятильник продолжал гудеть, вода в чайнике уже начинала побулькивать. Я наконец убрал руки с плеч Людмилы. Ну что, лучше? Она несколько раз пошевелила плечами, проверяя эффект массажа. Спасибо, негромко поблагодарила она. Потом посмотрела на меня и неожиданно улыбнулась. Да... ты молодец. Ксюша тут же протянула ей тарелку с куском торта. Вот теперь всё правильно. А то с утра уже успели чуть ли не подраться. Никто не подрался, возразила Людмила. Пока, уточнила Ксюша. Я усмехнулся. Через несколько минут мы уже сидели за столом и пили чай. Три торта, булочки, горячий чай и четыре женщины вокруг одного стола. Я посмотрел на них и подумал, что утро, начавшееся с пятницы тринадцатого и пустого кабинета, неожиданно складывается совсем неплохо. По крайней мере, пока никто не превратился в Фредди Крюгера.

Глава 18

Пятница потекла своим размеренным временем. После утреннего чаепития Людмила куда-то исчезла. Минут через двадцать вернулась, держа в руках несколько машинописных листов. Молча подошла к моему столу и с некоторой торжественностью бросила бумаги передо мной. Вот, гордо заявила она. Ознакомься и распишись. Я взял приказ. Машинописный текст, гербовая печать, подписи начальства... Пробежав глазами несколько строк, я всё понял. Теперь офици-

ально. Я был стажёром, закреплённым за Людмилой Ивановной. Вот и приехали. Никаких больше разговоров про «я вам не стажёр». Я взял ручку и поставил подпись. Всё? спросил я. Всё, довольно ответила Людмила. Она забрала приказ и положила его в папку. И тут дверь открылась. В кабинет вошёл полковник Головачёв. Он окинул нас строгим взглядом, задержавшись сначала на мне, потом на Людмиле. Доброе утро, произнёс я, даже не подумав встать. Полковник на секунду замер, но ничего не сказал. Спокойно прошёл к соседнему столу, сел и внимательно посмотрел на меня. Потом перевёл взгляд на Людмилу. Что происходит? Людмила моментально покраснела. Я... знакомлю его с приказом, быстро объяснила она. С приказом о назначении его моим стажёром. Головачёв был полковником не только по званию, но и по жизненному опыту. Поэтому задавать лишних вопросов не стал. Просто кивнул. Ясно. Потом посмотрел на меня. У тебя по пятницам строевая подготовка. Я кивнул. Понял. Встал из-за стола и вышел. Дверь за мной закрылась. В кабинете повисла тишина. И тут Головачёв медленно повернулся к Людмиле. Людмила Ивановна... По тону она сразу поняла: ничего хорошего сейчас не будет. Что за сотрудник у вас невоспитанный? Я... Когда вы уже приведёте в порядок свой отдел? Людмила открыла рот, но полковник не дал ей вставить слово. Я, целый полковник, вынужден приходить в кабинет стажёра и направлять его действия! Он сердито посмотрел на неё. Может, мы зря вас повысили? Люд-

мила совсем сникла. Головачёв ещё несколько секунд смотрел на неё, потом резко поднялся. Разберитесь. И вышел. Дверь закрылась. Людмила осталась одна. Она медленно села на стул и несколько секунд смотрела перед собой. Потом её взгляд упал на лист в пишущей машинке. «Дело № 1». Людмила потрогала лист не веря своим глазам. И вдруг удивлённо подняла брови. Ты смотри... Она отодвинула машинку от себя. Он ещё и работает! С этими словами Людмила вскочила со стула и бросилась во двор. Там как раз шла строевая подготовка. На плацу маршировали трое стажёров. Я был среди них. Раз-два! Раз-два! Мы синхронно шагали, стараясь не сбиться. Людмила остановилась у выхода, посмотрела на строй и, убедившись, что её стажёр действительно находится там, где положено, заметно успокоилась. Ну хоть это... Она поправила волосы, развернулась и поспешила обратно по своим делам. А я продолжил маршировать. Раз-два. Раз-два. Пятница тринадцатое продолжалась. Во двор отдела вдруг въехала чёрная «Волга».

Машина резко остановилась, дверца распахнулась, и из салона донеслось: Ху! Я даже не сразу понял, что это обращаются ко мне. Бля... кто такие фамилии выдумывает? Володя, иди сюда! Это был Шокиров. Я тут же подскочил к машине. Доброе утро! Поехали, торопливо бросил он. Давай быстрее. Сейчас, быстро! ответил я и тут же развернулся. Ты куда?! Но я уже исчез в коридорах. У меня оставался один нерешённый вопрос. Торт. Я ворвался в кабинет, схва-

тил со стола коробку и помчался в приёмную. Капитолина как раз сидела за своим столом. Это вам, заявил я, ставя перед ней торт. Она подняла брови. Это в честь чего? Я широко улыбнулся. С добрым утром! Капитолина посмотрела на меня ещё более подозрительно. Так ведь пятница, пояснил я, словно это должно было всё объяснить. Она несколько секунд непонимающе смотрела на меня. Пятница?.. Но я уже вылетел из приёмной. В кабинете Людмилы Ивановны её не оказалось. Тогда я вспомнил, что теперь у неё собственный кабинет. Развернулся и помчался туда. Дверь распахнулась. Внутри находились Людмила и майор Чурбанов. Здравствуйте! бодро произнёс я. Людмила удивлённо посмотрела на меня. Людмила Ивановна, я вынужден отлучиться. Майор Чурбанов нахмурился. Ты почему не по форме докладываешь? Я уставился на него с искренним недоумением. Товарищ Чурбанов... Я сделал паузу, оглядел свою гражданскую одежду и снова посмотрел на майора. Я, товарищ Чурбанов, лицо сугубо гражданское. О чём вы говорите, я вообще не понимаю. Чурбанов явно хотел что-то сказать, но я уже поднял руку. И вообще, меня ждёт полковник. Какой ещё... Так что пока! Я развернулся и выскочил из кабинета. За спиной услышал только тяжёлый вздох. Чурбанов посмотрел на Людмилу. Ну и дисциплина у тебя, капитан... Но я этого уже не слышал. Через минуту я захлопнул за собой дверцу чёрной «Волги». Шокиров посмотрел на меня. Всё? Всё. Торт откуда? С булочной ответил я.. Он покачал

головой. Ты ненормальный. Зато пятница тринадцатое. Шокиров посмотрел на меня так, будто окончательно убедился в правильности своего диагноза. «Волга» тронулась с места и быстро покатила за ворота. Я откинулся на спинку сиденья и впервые за утро почувствовал, что пятница действительно начинает оправдывать своё название. «Волга» выехала за город. Шокиров некоторое время молчал, глядя на дорогу, а потом повернулся ко мне. Будь всегда у меня на виду, инструктировал он. Если увидишь, что кто-то подслушивает или крутится рядом без причины, сразу дай мне знать. Понял? Я кивнул. Понял. И снова повернулся к окну. За стеклом постепенно исчезали городские дома. Их сменили поля, перелески и густая растительность. Я смотрел на всё это с каким-то странным любопытством. Мысли о задании постепенно отошли на второй план. Через некоторое время машина свернула с дороги и въехала в дачный массив. По обеим сторонам стояли деревянные домики, заборы, сараи. Где-то сушилось бельё, где-то возились с грядками. Наша «Волга» свернула ещё раз и остановилась у высоких ворот. Шокиров посигналил. Ворота открылись. Мы заехали во двор. Передо мной стояла двухэтажная дача. И, судя по всему, пустовать она сегодня не собиралась. На балконе уже толпились люди. Кто-то выглядывал из окна второго этажа, кто-то махал нам рукой. Я выбрался из машины и первым делом вспомнил про торт. Подхватил коробку и направился в дом. А торт-то зачем? крикнул мне вслед Шокиров. Пятница! ответил я.

Он только махнул рукой. На кухне никого не оказалось. Я огляделся. Стол, плита, буфет, несколько стульев. Поставил торт на стол. Пусть будет. Кухня оказалась проходной. За ней была ещё одна дверь, ведущая прямо во двор. Я вышел наружу. И замер. Совсем рядом текла речушка. Небольшая, спокойная, почти беззвучная. Я подошёл к берегу. Воду я не видел уже очень давно. И вдруг всё остальное перестало иметь значение. Ни Шокиров. Ни его инструкции. Ни странное задание. Ни люди, выглядывавшие из окон. Я просто пошёл вдоль берега. Медленно, почти машинально. Смотрел на воду, на траву, на отражения деревьев и слушал тихий плеск. Странное чувство. Будто я на несколько минут снова оказался в своей жизни. Только здесь никто не требовал докладывать, вставать при входе начальства и расписывать каждый свой шаг. Была только речка. И тишина. Обстановка вокруг действовала умиротворяюще. Тихо шелестела трава, где-то в камышах перекликались птицы, а река лениво несла свои воды, почти не нарушая тишины. Я дошел до поворота реки и уже собирался повернуть обратно, как вдруг заметил лодку. В ней стояла девушка. Она молча смотрела на меня, не подавая никаких признаков паники. Лодку медленно сносило течением, и девушка лишь следила за мной взглядом, словно совершенно не понимала, что в этой ситуации полагалось кричать и звать на помощь. Я остановился. Эй! окликнул я ее. Ответа не последовало. Я озадаченно смотрел на лодку. Бросаться в холодную воду совершенно не хо-

телось. Да и течение здесь было не такое уж сильное. Поэтому я просто пошел вдоль берега следом за ней. Девушка тоже не произнесла ни слова. Только продолжала наблюдать за мной. Наконец течение и легкий ветер прибили лодку к моему берегу. Я быстро огляделся, нашел длинную сухую палку и протянул ее девушке. Издалека мне сначала показалось, что в лодке стоит подросток. Но когда она оказалась совсем рядом, я рассмотрел ее лучше. Девушке было примерно лет двадцать. Держись за палку, сказал я. Она молча схватилась за конец. Лодка слегка качнулась, и я осторожно потянул ее к берегу. Вот так... не торопись. Лодка ткнулась бортом в берег. Девушка попыталась шагнуть, но потеряла равновесие и с громким плюхом свалилась прямо в воду. Черт! Пришлось все-таки лезть следом. Я ухватил ее за руку и вытащил на берег. Сам при этом успел по колено увязнуть в липкой глине. Девушка поднялась, мокрая с головы до ног, и совершенно спокойно произнесла: Спасибо. Я посмотрел на нее, пытаясь отдышаться. Пожалуйста. Смыв с ног грязь речной водой, я снова взялся за лодку и вытащил ее на берег, надежно зафиксировав носом в траве. Мокрая одежда неприятно липла к телу. Пришлось снять рубашку и брюки и развесить их на борту лодки. Я взглянул на девушку. Она, немного поколебавшись, тоже стянула с себя мокрое платье оставшись в белых трусиках и протянула его мне. Выжми, пожалуйста. Грудей у нее почти не было. Только розовые соски торчали оттопырившись от холода. Давай сказал я отводя от нее

взгляд. Я выжал платье и повесил его на другой борт лодки. Вода была прохладной, и теперь холод начал пробирать меня всерьез. Девушка тоже зябко поежилась, обхватив себя руками. Некоторое время мы стояли молча. Потом она тихо сказала: Меня зовут Алина. Володя. Она посмотрела на меня и чуть улыбнулась. Я заметил, как ее снова пробрала дрожь. Иди сюда, просто сказал я. Алина подошла ближе. Я притянул ее к себе и обнял, стараясь согреть. Она сначала немного напряглась, но вскоре перестала дрожать так сильно. Река по-прежнему тихо текла мимо нас, а вокруг стояла такая же спокойная тишина, словно ничего необычного здесь и не произошло.

Глава 19

Мы так и стояли несколько минут, прижавшись друг к другу. Холод постепенно отступал, но отпускать Алину мне почему-то не хотелось. Она первой нарушила молчание. Ты здесь живешь? Нет. Просто гуляю. Один? Как видишь. Алина посмотрела через мое плечо на реку. Странно. Что именно? Что ты оказался здесь именно сейчас. Я усмехнулся. А что, у реки есть расписание? Я должен был прийти в другое время? Она тоже улыбнулась, но тут же снова стала серьезной. Нет. Просто... я думала, что здесь никого нет. А ты откуда взялась? Алина помолчала. С той стороны. Она кивнула куда-то вниз по течению. Это я уже понял. Вопрос в другом: почему ты оказалась посреди реки одна? Я не одна. Я нахмурился. А кто с тобой? Она посмотрела на меня и

неожиданно ответила: Никого. Тогда почему говоришь, что не одна? Потому что ты теперь здесь. Я несколько секунд молча смотрел на нее. Ловко ты меня запутала. Алина тихо рассмеялась. Ты сам начал задавать слишком много вопросов. А ты сама ведешь себя слишком странно. Нормальный человек, оказавшись в лодке посреди реки, хотя бы закричал. А если я знала, что меня услышат? Тогда тем более. Она опустила взгляд. Я не хотела, чтобы меня слышали. После этих слов улыбка исчезла с моего лица. От кого ты прячешься? Алина ничего не ответила. Я посмотрел на ее мокрую одежду, развешанную сушиться, потом снова на девушку. Тебе есть куда идти? Есть. Куда? Она немного помедлила. Пока не знаю. Прекрасно, пробормотал я. Значит, лодка есть, река есть, а пункта назначения нет. Примерно так. Я невольно улыбнулся. Ты всегда такая загадочная? Только с незнакомыми мужчинами. Тогда мне повезло. Почему? Потому что теперь я уже не совсем незнакомый. Алина посмотрела на меня внимательнее. Быстро. Жизнь вообще быстро идет. Она снова улыбнулась, а потом вдруг спросила: А ты не испугался? Чего? Когда увидел меня. Нет. Даже когда я упала в воду? Тогда я испугался, что придется снова лезть в эту холодную грязь. Она рассмеялась уже открыто. Вот теперь верю. Мы присели возле лодки. И я усадил ее на колени и обнял со спины. Солнце постепенно поднималось выше, и на траве начали высыхать капли воды. А ты почему не кричала? спросил я уже спокойнее. Алина долго смотрела на реку.

Потому что не хотела возвращаться. Куда? Она повернула голову и посмотрела мне прямо в глаза. Домой. Я почувствовал, что за этим коротким словом скрывается гораздо больше, чем она собирается мне рассказать. Значит, ты сбежала? Она ничего не ответила. Только вздохнула и подтянула к себе колени. Володя... Что? Можно я немного побуду здесь? Я посмотрел на девушку, потом на реку. Конечно. Она облегченно улыбнулась. Спасибо. Только есть одна проблема. Какая? Через некоторое время наши вещи высохнут. И тогда придется решать, куда тебе идти. Алина посмотрела на меня с легкой улыбкой. Может быть, я уже решила. И куда? Она помолчала, а потом тихо произнесла: Пока туда же, куда и ты. Мое тело согрелось и я почувствовал как мой член набухает . Почувствовала это и она. И немного отодвинулась от моей груди. Ты меня хочешь спросила она . Я задумался . Раз у меня встал значит я ее хочу это же понятно подумал я. Вдруг она развернулась и впиалась мне в губы. Поцелуй был сладкий и горячий. Оторвавшись от моих губ она села на мои колени лицом ко мне. И снова поцеловала. Поцелуй был приятный . А когда она уселась поудобнее на моем члене я был крайне удивлен. Она поерзала на нем и улыбнувшись произнесла твердый . Я даже покраснел. После поцелуя Алина несколько секунд внимательно рассматривала мое лицо, словно пыталась что-то понять. Ты китаец? наконец спросила она. Да, ответил я и тут же мысленно споткнулся на собственном ответе. Точно. Я ведь действительно нахо-

дился в теле китайца. От этой мысли я снова почувствовал себя несколько неуютно. Но еще больше меня удивляло другое: как русская девушка совершенно спокойно взяла и поцеловала китайца. Без малейшего колебания. Значит, никаких предубеждений у нее нет. А какая у тебя фамилия? продолжи Алина. Ху ответил я. Почему-то от этого короткого ответа мне снова стало неловко. Наверное, я опять покраснел, потому что Алина принялась с любопытством разглядывать мое лицо. Это что если по русский твоя фамилия будет Хуев ? Я расхохотался увлекая ее своим смехом. Интересно... Что? Она неожиданно улыбнулась. Какие у нас будут дети. Я чуть не подавился воздухом. Какие еще дети?! Я посмотрел на нее с нескрываемым удивлением. Может, она ненормальная? Или это какой-нибудь местный вариант стокгольмского синдрома? Алина, осторожно начал я, от того, что ты сидишь у меня на коленях, дети сами по себе не появятся. Я постарался сказать это как можно серьезнее, почти нравоучительно. Она тут же строго посмотрела на меня. Не смотри, что я маленькая ростом и что у меня нет сисек... она на секунду замялась, а потом сердито продолжила: Я уже взрослая! Я не говорил, что ты маленькая. Но смотришь именно так! Я просто пытаюсь понять ход твоих мыслей. А чего тут понимать? Я учусь на втором курсе юридического факультета. И вообще-то прекрасно знаю, как появляются дети. Я не удержался от улыбки. Правда? Правда. И как же? Алина прищурилась. Хочешь узнать? Теперь уже интересно произнес я продолжая

издеваться над нею. Она немного поерзала у меня на коленях, потом совершенно невозмутимо произнесла: Вот так и появляются. Я несколько секунд смотрел на нее, а потом мы оба не выдержали и расхохотались. Смех разнесся над тихой рекой, вспугнув пару птиц в камышах. Ну ты даешь, наконец выговорил я. А ты слишком серьезный, Володя. После таких заявлений любой станет серьезным. Она снова улыбнулась и, устроившись поудобнее сев своей промежностью на мой член. И посмотрела на меня уже совсем без прежней настороженности. И почему-то мне показалось, что эта странная встреча на реке только начинается. Тебе никто не говорил, что ты странная? спросил я, внимательно глядя на нее. Алина тут же скорчила мне рожицу и совершенно невозмутимо ответила: Говорили. А так я нормальная! Я несколько секунд смотрел на ее серьезное выражение лица, а потом не выдержал. Она тоже. Через мгновение мы уже хохотали так, что я даже забыл про холод, и что она почти голая сидит на моих коленях. Представляешь я возбудилась вдруг выдала она мне новость. Я посмотрел на нее с удивлением. Такого от представительниц женского пола в это время я не ожидал. И что делать спросил я. Она внимательно посмотрела на меня. Что что детей делать серьезно произнесла она. У меня засосало под ложечкой от такого признания. Делай что хочешь заявил я но я в этом не участвую тоже выдал ей я. Она это восприняла буквально и встав сняла трусы. Лохматый лобок ее оповестил что она действительно взрослая. Что делать с

такой ситуацией я не знал . Нет конечно же я знал что делать но. Комичность ситуации меня напрягала. У меня была уже девушка для секса и заводить вторую как то было нес руки . И когда она бесцеремонно сдвинула мои трусы и выставила на всеобщее обозрение мой член. Я остолебенел . Что она себе позволяет подумал я глядя на ее бесстыжие глаза. Она присела к моим коленям и обхватила мой член руками. Какой он интересный заявила она рассматривая его . От воздействия ее рук он напрягся и выдавил из себя прозрачную капельку слизи. Она подняла удивленные глаза. Это и есть семя спросила она и пальчиком смахнула слизь рассматривая ее на своих пальцах. Напомни мне ты не в медицинском учишься спросил я улыбаясь. Она расхохоталась нет в юридическом напомнила она но к медицине у меня явные наклонности. И вдруг он слизнула со своего пальца мои выделения и прислушалась к своим ощущениям . Не соленная поделилась она своими впечатлениями . Я тоже был удивлен этим сообщением . Она села мне на колени и поцеловала. Я тоже почувствовал привкус своих выделений с ее губ. Она подвинулась ко мне поближе и я почувствовал как он коснулся ее влажной поверхности . Она замерла , а потом уперлась сильнее и вдруг закатила глаза и кончила прижавшись ко мне. Сладкий стон вырвался с ее губ . Когда ее отпустило она уставилась на меня. Я кончила представляешь воскликнула она восторженно пялясь мне в глаза. Поздравляю сообщил я ей . Она подвинулась ближе и нахмурила бровки . Больно сообщила

она мне. Да она же девочка пронеслось у меня в мозгу. Она что больная на всю голову подумал я и остановил ее телодвижения. Ты что удивилась она обиженно таращась на меня. Я хотел бы сделать это не здесь и не сейчас произнес я. Она улыбнулась и отодвинулась. По моим ляжкам стекала ее слеза от возбуждения. Потому что я явно чувствовал что я не кончил. Она привстала и заметила тоненькую прозрачную нить соединявшую нас. Ты кончил спросила она удивленно. Нет это ты кончила и пере возбудилась успокоил я ее. Она рукой разорвала нить слезы соединявшую нас. Ты точно китаец заявила она. Только в Китае такое тантрическое отношение к сексу. Русский бы уже давно овладел моим телом. Какой есть обиженно сказал я пряча член в трусах.

Глава 20

Я снял с бортов лодки нашу одежду. К счастью, она успела немного подсохнуть. Мы оделись и пошли в сторону дачного поселка. Алина шла рядом, то и дело наклоняясь к обочине и срывая на ходу ромашки. Ты к кому приехал? спросила она как ни в чем не бывало. Не знаю. Она остановилась и удивленно посмотрела на меня. В смысле не знаешь? Меня привезли. И ты не знаешь, к кому? Не знаю, подтвердил я. Алина покачала головой, будто перед ней стоял самый странный человек на свете. Через несколько минут она неожиданно свернула к одной из дач и подошла к калитке. Заходи, твердо сказала она. Я пожал плечами и вошел следом. Во дворе царила

настоящая дачная идиллия. В плетеном кресле под навесом сидел мужчина в очках и читал газету. На газоне, расстелив покрывало, лежала женщина в купальнике и загорала. Увидев нас, женщина резко приподнялась. Ой! Она торопливо прикрылась полотенцем. Алина! Что это такое?! возмущенно спросила она. Алина совершенно спокойно поставила руки в боки. Мама, все в порядке. Женщина перевела взгляд с дочери на меня. Тогда кто это? Алина даже не моргнула. Мой жених. Я застыл. *Жених*?! В голове на мгновение стало совершенно пусто. Две пары глаз теперь внимательно изучали меня. Отец Алины даже снял очки, протер их краем рубашки и снова надел, словно надеялся, что после этой процедуры я превращусь во что-нибудь более понятное. Так... медленно произнес он. А вы кто, молодой человек? Китаец, честно ответил я. Отец усмехнулся. Это я вижу. Сразу видно, что не русский. Он отложил газету и внимательно посмотрел на меня. Какое отношение вы имеете к моей дочери? Папа... попыталась вмешаться Алина. Алина, что это такое? уже повысил голос отец. Она спокойно пожала плечами. Поздно спрашивать. Почему? Алина посмотрела сначала на него, потом на мать и совершенно будничным тоном добавила: У нас уже был секс. Я почувствовал, как у меня отвисла челюсть. Во дворе наступила такая тишина, что стало слышно, как где-то за забором стрекочет кузнечик. Отец медленно снял очки. Мать замерла с полотенцем в руках. Алина же совершенно спокойно продолжала перебирать ромашки,

словно только что сообщила, что мы вместе сходили за хлебом. А я стоял посреди двора и лихорадочно пытался понять, как за несколько часов моя жизнь умудрилась превратиться в такой цирк. Но оставаться пассивным участником этого семейного спектакля я не собирался. Развернувшись, я быстро вышел с их участка и направился прочь. Стой! донесся мне вслед крик отца Алины. Я даже не обернулся. Идти обратно к реке оказалось проще, чем объяснять совершенно незнакомым людям, почему их дочь только что объявила меня своим женихом. Добравшись до берега, я вскоре узнал ту самую тропинку и по ней вернулся к даче, куда меня привезли утром. Шокиров в это время сидел во дворе со своими приятелями и играл в карты. Мужчины громко спорили, смеялись, что-то обсуждали и совершенно не заметили моего отсутствия. *Хорошо*, подумал я с облегчением. По крайней мере, здесь пока никто не собирался выдавать меня за муж. Я уже собирался войти во двор, как вдруг за спиной раздался женский голос: Стоять! Руки вверх! От неожиданности я мгновенно поднял руки. Спокойно... пробормотал я. За спиной послышались шаги. А через секунду я почувствовал, как мне в спину уперлось холодное дуло. *Что происходит?!* Я замер. Я свой, попытался оправдаться я, даже не оборачиваясь. Сейчас посмотрим, какой ты «свой», холодно ответила женщина. Признавайся, что хотел украсть? Я лихорадочно перебирал в голове варианты. Ситуация была настолько абсурдной, что я уже не знал, смеяться мне или

нервничать. Серебряные ложки, наконец сказал я. За спиной повисла пауза. Какие еще ложки? Ну, вы спросили, что я хотел украсть. Вот я и отвечаю: серебряные ложки. Отродясь у нас серебряных ложек не было, подозрительно произнесла женщина. Вот видите... Значит, я зря старался. Она, кажется, не оценила шутку. Женщина подошла ближе и принялась похлопывать меня по карманам. Тихо стоять! Я послушно замер, подняв руки. И что вы там ищете? осторожно спросил я. Ложки. Я невольно усмехнулся. А если найдете? Тогда точно узнаем, кто ты такой. *Прекрасно*, подумал я. Еще несколько минут назад я был случайным прохожим, потом неожиданно стал женихом, а теперь превратился в подозреваемого в краже серебряных ложек, которых у хозяев никогда не было. Похоже, этот день решил окончательно проверить пределы моего терпения. Неожиданно ее рука оказалась у меня в кармане и наткнулась на мой член который продолжал еще стоять. Она замерла с моим членом у себя в руке. Что это спросила она. Я приехал с Шокировым признался я не зная что еще сказать. А я подумала воришка строитель произнесла она дрогнувшим голосом и член мой не выпуская из рук. Дуло сдвинулась с моей спины и я почувствовал как к моей спине прижались объёмные груди. Я почувствовал ее дыхание на своей шее и поцелуй. Да блять что происходит подумал я и обернувшись встретил ее поцелуем. Я тоже был возбуждён еще Алиной, а тут еще одна озабоченная женщина. Не отвлекаясь на прелюдии я развернул

ее и приспустив ее трусики запустил своего змея в нее. Она нагнулась упершись руками о стул и выгнула спинку издавая сладкие стоны. Я обхватил ее объемные бедра и стараясь не шлепать своим телом по ее ягодицам кончил в нее. Выпуская свое возбуждение и злость. Она замотала головой тоже получая оргазм и прижала одной рукой меня к себе. Как будто боясь что я убегу. Ружье стояло прислоненное к стене. Испугался спросила она тяжело дыша. Нет было смешно признался я чувствуя наслаждение от нахождения в ее теле. А ты забавный, неожиданно произнесла женщина и отступила от меня на шаг. Она убрала ружье и, словно ничего особенного не произошло, села на лавочку. Я тоже наконец позволил себе расслабиться и внимательно ее рассмотрел. Женщине было около тридцати. Миловидное лицо, крашеные волосы, аккуратная фигура. На пальцах яркий красный маникюр, совершенно не вязавшийся с только что произведенным арестом. Она поймала мой взгляд и усмехнулась. Что рассматриваешь? Да вот думаю, кто минуту назад чуть не застрелил меня за серебряные ложки. Она рассмеялась. Значит, всё-таки не испугался? Испугался. Просто виду не подал. Женщина протянула мне руку. Мария. Я пожал ее маленькую, изящную ладонь. Володя. Ты работаешь у Шокирова? Я кивнул. Угу. Она внимательно посмотрела на меня, словно еще раз оценивая. Ну ладно. Иди. Уже можно? Уже можно. Мария поднялась и, оставив ружье, направилась на второй этаж. А ружье-то хоть разряжай, не удер-

жался я. Она обернулась через плечо. Охотник нашелся. Я не охотник. Тогда чего переживаешь? Потому что вы только что наставили на меня заряженное оружие. А ты, оказывается, еще и умный. С этими словами она скрылась на втором этаже. Я еще некоторое время стоял на месте, переваривая произошедшее. Потом все-таки подошел к ружью, которое она оставила возле стены. Я никогда не был охотником. В моей прежней жизни мне доводилось держать в руках пистолет, но с охотничьим оружием я практически не сталкивался. Осторожно осмотрев ружье, я обнаружил патрон. *Да она вообще больная!* Наставлять на человека заряженное ружье это что, здесь считается нормальным знакомством? Я покачал головой. *Да куда я вообще попал? Это точно Советский Союз?* Вокруг происходили какие-то совершенно непонятные вещи. Женщины разгуливали с заряженными ружьями, незнакомая девушка объявляла меня своим женихом, а потом сообщала собственным родителям о нашей интимной жизни. *Куда катится мир...* Я вспомнил старое выражение: *О времена, о нравы.* Осторожно положив ружье на место, я наконец вышел во двор. У рукомойника помыл руки, вытер их полотенцем и уже собирался присоединиться к Шокирову, как вдруг услышал из дома женский голос: Всем к столу! Живот тут же напомнил о себе. После всех сегодняшних приключений есть хотелось зверски. Я пошел на голос. Шокиров, увидев меня, сразу поднял голову. А, Володя! Иди сюда. Познакомлю с ребятами. Я подошел к столу. Это мой

новый сотрудник, Владимир. Все сидевшие за столом одновременно посмотрели на меня. И смотрели так внимательно, будто я был какой-то редкой зверушкой, случайно забредшей на дачу. Один из мужчин хлопнул Шокирова по плечу. Азамат, ну ты можешь выбирать сотрудников! А что не так? усмехнулся Шокиров. Да всё так! Молодой, здоровый... Только посмотри, какой серьезный! Несколько человек засмеялись. Мне почему-то стало не по себе. Я взял с блюда пирожок. Спасибо. Садиться за стол я не стал. Просто отошел немного в сторону, продолжая наблюдать за происходящим. Мужчины тем временем уже подняли бокалы. Ну, за нового человека в нашей компании! За Владимира! Чтобы работа спорилась! Бокалы зазвенели. Я откусил пирожок и невольно подумал, что день еще далеко не закончился. А судя по всему, самое интересное только начиналось. Ну что ты стоишь, Володя? окликнул меня Шокиров. Садись. Я перекушу и всё. Как хочешь. Он махнул рукой, а его приятели снова подняли бокалы. За нового сотрудника! Я кивнул и откусил пирожок. А ты чего молчишь? спросил сидевший напротив мужчина. А что говорить? Расскажи о себе. Я чуть не поперхнулся. Вот этого вопроса я как раз и опасался. *И что мне им рассказывать? Что я сам не понимаю, кто я такой, откуда взялся и почему последнее время постоянно попадаю в какие-то невероятные истории?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.